

БОРИС АЛМАЗОВ

К

КАЗАЧИЙ ДОМОСТРОЙ

Борис Алмазов

Казачий домострой

«Автор»

2024

Алмазов Б. А.

Казачий домострой / Б. А. Алмазов — «Автор», 2024

Книга о казачьей истории и культуре. С 1990 года большая часть её выходила отдельными выпусками - памятками "Слава Тебе , Господи , что мы казаки!". Эти выпуски пользовались огромным спросом и неоднократно переиздавались, в том числе в местных типографиях без разрешения автора. Текст беззастенчиво разворовывался и по неведению и с умыслом, растаскивался без ссылок на автора по другим изданиям и цитировался (опять таки без ссылок) в научных публикациях. Так что, когда читатель обнаружит в книге знакомый текст- пусть знает - это тот самый, что впервые опубликован 35 лет назад.

© Алмазов Б. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Длится их странная каста	5
Исторические предшественники казаков	9
Казачья справа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Борис Алмазов

Казачий домострой

Длится их странная каста

"Кзаки это особая каста. В истории России они занимают особое место"

В.В. Путин. Президент Российской Федерации

Наконец то сказаны эти слова, которые снимают противоречие в неразрешимом споре "казаки – этнос или сословие?", и сказаны они на самом высоком уровне. Каста! Это и народ, и сословие. Каста – понятие, казалось бы канувшее в Лету, исторически изначально связанное с древней Индией. Однако, понятие "касты" шире исторических рамок. Вот два научных определения: "Каста (исп. – *casta* род, от лат. *castus* – чистый) Замкнутый класс народа, который передаёт свое состояние, занятие, нравы и обычаи потомкам, не имеющим права переменить образа жизни своих предков", В социологии "Каста – социальная группа, которая определяется по рождению и наследуется из поколения в поколение. Члены касты обладают общими характеристиками, такими как профессия, религиозные обряды и правила поведения"

Относительно профессии и рода занятий в 21 веке говорить сложно. До революции в Российской Империи основным родом занятий казаков считалась военная служба и землепашество, хотя после реформы 1874 года эти строгие установления уже действовали частично. Без изменений оставалась только поголовная воинская служба и снаряжение за собственный счет. Многие запреты были сняты. Из казачьей среды вышло значительное число учёных, писателей, художников и др. далеких от военной службы, однако, сохранявших стереотип мышления и поведения, то есть всё, что свойственно национальному характеру и культуре. Они продолжали упорно считать себя – казаками, хотя это не только не давало никаких льгот, но временами становилось смертельно опасно.

""Кзачество – такое, какое оно есть сегодня – государство, т.е. власть, не устраивает. С 1990 года возрождение стихийное. В 21-м веке кзачество с его "навозным" патриотизмом – анахронизм; общины, традиции – средневековое мракобесие. "Упёртое кзачество" современному государству европейского уровня просто вредно. Мы создадим новое кзачество – из чего угодно, без так называемых казачьих потомков, тянущих нас назад к феодализму" считал Советник Президента Российской Федерации по делам кзачества генерал Трошев. Очень характерное высказывание. К сожалению, усилия в создании нового кзачества "из чего угодно" продолжают, пока что они увенчались появлением категории, которых народ абсолютно точно поименовал "ряженными". Ничего кроме раздражения и неприязни в обществе они не вызывают. А казаки – как были, так есть и будут независимо от политической конъюнктуры и какая бы социальная и псевдокультурная подмена невольна или сознательно не происходила. Какие бы "схемы" и "структуры" не порождает чиновный бюрократический мозг, какое бы поголовье ряженых не изображало казаков, а казаки есть и, как сказал в 1990 году поэт Александр Городницкий: "...длится их странная каста". Именно, тогда впервые прозвучало это слово, ныне сказанное Президентом. В от очень простой и показательный пример: в СВО воюют добровольцы, в том числе и в отдельные казачье формирования, состоящие в основном из потомственных этнических казаков, но и не только. Воюют честно, умело и доблестно, но, собственно ничем, как это было в Русской Императорской Армии от других современных военнотружущих в военном смысле не отличаются. Но разница не очень заметная в стереотипе поведения все же есть. Один из казачьих командиров был представлен к высшей награде "Герой России", но к удивлению, бравшего у него интервью на ТВ известного артиста Харатьяна, получать награду в Москву не поехал. " Ну, если наградили, то награда то никуда не

денется. Рано или поздно вручат. А я ведь не только моим казакам – командир, я им атаман – отец! Ата-ман – отец воинов. Я в Москву поеду, а мои – тут останутся. Я за них перед матерями и перед Богом в ответе... Казаки – воины Христовы. А награду, если жив буду, понятное дело – вручат..."

«Перед Господом не постесняюсь

Называться донским казаком»

Н. Туроверов.

Мой рассказ о казачьей жизни может показаться излишне романтичным, но ведь другим он и не может быть, потому что это прошлое. Нет таких казаков! Нет молодцов в косо посаженных фуражках с лихими чубами и гвардейскими усами, на которых восторженно смотрели, побросав своих кукол, наши бабушки в своем раннем детстве, нет благообразных стариков и гордых красавиц. Нет тех станиц и хуторов, садов, пасек, баштанов. Нет уж и наших добрых бабушек, шептавших по вечерам молитвы перед темными иконами и крестившими нас перед сном натруженными пальцами, сложенными в щепоть, а то и двуперстие. Сгинули на фронтах, пропали по лагерям и зонам лучшие сыны и дочери казачества. Да, что там – лучшие... И лучшие, и худшие! Все!

И конечно же, тогдашняя жизнь не была сказочно прекрасной, какой выглядит она в рассказах редких, уцелевших до дней нашей юности, стариков, вспоминавших роскошные праздники и обильные столы. Война и голод, были постоянными спутниками их советской жизни. Страх бесславной гибели. Все дни и ночи жизни. Моя мама о станице даже вспоминать не любила, говоря, «А что я там видела хорошего? Раскулачивали, рассказывали, выселяли, да из школы выгоняли за "непролетарское происхождение" Первый раз досыта наелась в 37 году, в Москве. А так все «лишенка», «чуждый элемент»...

Это бабушка моя, чья молодость прошла до революции, рвалась на Дон – домой... Хотя давно никого там не осталось из родни! Да и родовых куреней, сложенных из самана тоже. Груды пережженных печных кирпичей, среди загаженной железным ломом, истощенной степи, на берегах обмелевших, а то и вовсе высохших рек...

Читая документы, о том, по рассказам бабушки, благословенном времени, понимаешь, что никогда оно, в действительности, таким не было. Революцию 46% донских казаков встретили не имея в хозяйствах тяглового скота! Какое уж тут благополучие! Было бы благополучие не поверили бы они, первоначально, рассказам революционных вождей, не держали бы нейтралитет, когда всевозможные инородцы и собственные преступники и дураки начали убивать Россию. Могли ведь не допустить! Могли не дать разгореться пожару! Однако, сколько же можно было казакам спасти Россию, если она в 1917 году сама, почти единодушно, рвалась в погибель! А те дореволюционные времена казались нашим старикам прекрасными, потому что после них для казаков начался ад!

Когда в 1990 году поднялись потомки казаков, мечтая о возрождении казачьего народа, они пытались возродить тот сон о привольной казачьей жизни до 1914 года. В 90 году очевидцев той жизни практически уже не осталось! Жила только вековая мечта, отдаленно напоминающая реальность вековой давности. Мечта живет и сегодня! И сегодня казаки вспоминают жизнь своих, сравнительно недавних, предков, живших в XIX веке, собственно, только это время и считая подлинно казачьим, понимая, однако, та жизнь – всего лишь – сон о прошлом. Ностальгия. Непреходящая, унаследованная нами от дедов и наследуемая детьми нашими, постоянная, привычная душевная боль. Вернуться в то романтическое прошлое, каким оно, скорее всего, не было, невозможно, да и вернувшись, если бы вдруг такое случилось, мы, нынешние, увидели бы иную жизнь чем та, какой она нам кажется из нынешнего времени, и уж, конечно, жить в том времени, вряд ли, смогли бы.

Так зачем же его вспоминать? Какая в том польза?

Прошлое незримо живет в нас, воплощается в стереотипе поведения, в нравственных установках и оценках происходящего ныне. От прошлого можно отказаться, можно его забыть, но нельзя искоренить его в себе. Оно живет и проявляется... И его нужно знать, чтобы порой не удивляться, а то и не ужасаться самому себе!

Казаки – народ призрак. И стал он таковым не вчера. При том, что казаки сегодня, безусловно, русские люди. Точнее: казаки подобны русским, однако, не тождественны! Хотя, наверное, нет абстрактного среднестатистического типичного русского, как нет таких же среднестатистических казаков. Гадкое это дело – стереотипизация: все кавказцы – гордые, все евреи – хитрые, все казаки – храбрые, все русские – пьяницы, все хохлы – упрямые...

Прославленный академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, узнав, что я казак, тут же спросил:

– А где ваш чуб?

Он, к сожалению, не пошутил. Пришлось ответить:

– Мой казачий чуб, помимо моей воли, торчит из каждой написанной мною строки!

Но продолжать разговор с академиком мне расхотелось. Он знал о казаках не более тех прибауток, которыми пробавляется и до ныне «около интеллигентная» публика.

Некий "историк" Егор Холмогоров, не имеющий даже законченного высшего образования, ляпнул в очередном опусе, что "казаков, считающих себя народом, нужно выводить на снег и расстреливать!" Вообще то это классическая 262 статья УК РФ. За что расстреливать? Не за противоправные деяния, не за создания ОПГ, а даже не за то, что они говорят, а за то что "думают"! Достойный наследник красных карателей, утопивших казачество в крови. Сто лет прошло, а поди ж ты – сохранился!

В школах нас учили, что казаки – разбойники, потомки беглых, вот стали себя хорошо вести, получили «монаршей милостью русского Государя» всевозможные льготы, за эти льготы служили царю и били «пролетарьят»! Но попадались нам в руки, крошечным тиражом изданные, а то и вовсе запрещенные советской властью книги, а там было другое, и домашние предания говорили о другом, да и те обломки казачьей жизни, что нам еще удалось застать на руинах уничтоженного нашего народа, убеждали – мы не из беглых, мы – народ! Это – давняя проблема и давняя вековая боль. Кстати, в СССР в энциклопедии Народы мира казаки, равно как поморы, причислялись к особой формации "субэтнос" – народ в народе. Современные этнографы предлагают категорию этно-социальная группа и находят подобные в Венгрии – секеи, в Чехии (бывшей Австро-венгерской Империи) – ходы, есть подобная группа даже в Азербайджане и др. Причем, все эти этно – социальные группы объединяются не только тем, что несли обязательную воинскую службу, сколько тем, что имеют самобытную культуру, несколько отличную от культуры основного населения (нации) страны, в которой проживают. В результате каких исторических и социальных обстоятельств подобная группа возникает – разговор сложный и долгий, однако, если речь идет о казаках, то по крайней мере пять столетий замкнутые в военное сословие, они безусловно сложились в этнос. Сами

казаки всегда были убеждены в своей самобытности и всегда пытались восстановить свою родословную. А ведь строго говоря, национальность это то, кем сам человек себя считает, несмотря на то, что думают о нем окружающие его представители других этносов и социумов.

Есть и ещё дополнение: современные казаки, безусловно, представители Русского Мира, но история свидетельствует, что казаки не выделились из великоросского суперэтноса, а сложившись изначально в Степи, влились в него, а поскольку произошло это относительно недавно то не растворились, ассимилируясь, как например, финские племена мери или муромы и др.

«Прежде, нежели начну я писать историю жизни моей, долгом моим считаю сказать то, что я слышал по изустному преданию от старых людей, относительно действительного происхождения всего Войска Донского. Донское войско, по словесному преданию, дознанному

мною еще в 1781 г. от самых старых жителей Дона, которые сказали по нарочитому моему розысканию так: первые донские казаки пришли на Дон из-за реки Терека, но были не татары и не имели сходства ни в лицах, ни в обычаях с азиатскими народами, а в сем сообразны были с великороссиянами. Поселились они от Голубинской станицы или Пятиизбянской вниз по реке Дону, с правой стороны, малыми отделениями, как бы полагать надо, что одно семейство составляло целое селение. Сии селения, вниз реки Дона, не были далее устья реки Донца. Некоторые (из жителей) доказывали мне, что (поселения) кончались Цимлянскою, а другие – Каргальскою станицею, которые прежде назывались городками и все были укреплены земляным валом. Каждое селение имело своего начальника под именем «Станичной атаман»; а всех тех селений был ли общий начальник – никто не показал. Сии начальники были избираемы обществом каждого селения также по их усмотрению; непременных начальников и чиновников не имели, и положение всех городков было – никогда не иметь оных. Все дела общественные решались в собрании всего селения; одно селение не мешалось в дела другого. Они другой войны сначала не имели, кроме оборонительной, или мстили за обиду, и тогда сговаривались одно селение с другими по доброй воле, а не по наряду или приказу». – писал более двухсот лет назад выдающийся донской атаман, герой из героев, генерал лейтенант Андриан Карпович Денисов, которому, казалось бы, при его блистательной карьере, незачем было копаться в родословной казачьего народа. Но болела душа, хотелось истины. Хотелось вывести свой народ из тени забвения.

С тех пор времени прошло много, теперь исторических фактов, свидетельств, научных исследований хватает, но все равно проблема осталась. Повторяю: казаки народ – призрак, вроде бы о них все слышали, но, как выясняется, мало что знают. И это еще одно обстоятельство заставившее меня написать – собрать эту книгу!

К какому жанру ее отнести? Назвал наш великий писатель Н.В. Гоголь «Мертвые души» поэмой. И это моя книга, наверное, поэма, только упоминаемые в ней души умерших людей – живы! И мы живы пока их помним!

Исторические предшественники казаков

История казаков, как история любого народа, многосложна, многослойна и полиэтнична. Говоря проще: каждый ныне живущий этнос (народ) без исключения, возник в результате сложнейшего процесса смешения, этносов и культур, живших прежде. Изменяется все и в современном румыне смутно прослеживается ромей, т.е. византиец, который сам себя считал римлянином, хотя скорее всего, был греком, хотя и жил на территории Греции. Точно так же любой современный русский человек несет в себе гены многих народов, живших до него, правда, он считает себя славянином. Почему? Язык и культура великорусского этноса в основе своей славянские. А начните разбираться по составляющим, найдете и финнов, и балтов и, тюрков. А может так случиться, что в вашем современнике, считающим, с полным правом и основанием, себя русским, славянской то крови и вообще нет. Так что – копаться в этнической родословной – гиблое дело! Начнем выяснять кто – кто по крови уйдем в такие дебри откуда нет возврата. Солнце русской поэзии А.С. Пушкин., «наше всё», потомок древнейшего боярского рода, без него современный русский литературный язык и Россию представить невозможно, с точки зрения расистов – цветной! Доведись каждому из нас, уверенному, в так называемой, «чистоте» своей, ныне отмененной в паспорте, пятой графы, где значилась национальность, родословной воскресить эту родословную во всех подробностях расширяющейся геометрической прогрессии (тысячу лет назад у каждого из нас был миллион предков – 2 в 40-й степени., а то и в 50 – й, если за одно поколение брать 20 лет.) у него бы от удивления волосы встали дыбом! Более того, если воскресить заведомо нашего предка, допустим, славянина, одного из миллиона предков, жившего тысячу лет назад, из того, что он станет говорить мы, его, бузесловные, потомки, поняли бы не более 10 -15%.слов и понятий. Он же заговорит на языке времени «Слова о полку Игореве». «Не лепо ли ны бяшеть братие старыми словесы...».

И тем не менее, многое мы в своей памяти несем, наследуя, прежде всего, культуру и значительную часть стереотипа поведения наших предков, который складывался веками, под влиянием множества факторов от географических (ландшафт) до религиозных, хозяйственных, исторических и др.

Казаки, в данном случае, не исключение. Более того, по моему глубокому убеждению, на протяжении веков степное население, именовавшее себя казаками, несколько раз коренным образом этнически менялось. Скажем в XIV веке это, скорее всего, турки, с очень малыми славянскими вкраплениями, а в XIX веке наоборот – славяне, с некоторыми реликтовыми чертами турок, да и то, пожалуй, не в геноме, а в уходящих обычаях. Чтобы разобраться копнем вглубь – в те времена, когда по степному коридору от Алтая до Дуная, сменяя друг друга, прокатывались волны народов, оставивших после себя не только топонимы, тысячи курганов, городищ и захоронений, но и, может быть нынче еле заметный, след в культуре, а потому их, в какой то степени, можно считать пра-пра-предками казаков.

Эллино – скифы, аланы, анты, гунны

В местах образования первых казачьих общин, на территории современной России и Украины, человек проживал с древнейших времен. Именно здесь в Костенках найдена стоянка древнего человека, который 20 тысяч лет охотился в долине Дона. Есть основания предполагать, что именно здесь в степях человек одомашнил коня.

Мы начнем рассказ с более позднего времени, с тех времен, о которых нам сообщают письменные источники, когда в Северном Причерноморьи, в Приазовье и на Дону процветали эллинские города – государства полисы.

Основаны они были греками, но очень скоро население в них стало смешанным. Большинство составляли “ эллинизированные варвары”, то есть степняки, усвоившие эллинскую культуру. Вначале это были, принадлежавшие к индоиранской языковой семье эллино-скифы,

а затем, победившие их, родственные скифам, сарматы или аланы. Благодаря им, основной силой городов полисов стало конное ополчение. От степняков – кочевников этих воинов отличало то, что они считались гражданами городов – государств, с демократическим устройством. Имели право избирать правителей – архонтов, судей и военачальников всех рангов. Военную службу считали первейшей и почетнейшей обязанностью равноправного гражданина полиса, поэтому боевой дух конников был очень высок.

А причем тут казаки? Может быть и ни причем, вот только гражданское устройство античных обществ, почему-то очень напоминает античный город – полис. И не имеет ничего общего с тем, как организовывались общества в окружавших казачьи владения княжествах и царствах. Откуда, казалось бы, должны заимствовать государственное устройство казаки. Если они, действительно, оттуда – из этих княжеств беглые...

Многое из культурного наследия степняков-скифов сохранилось у казаков: кафтаны с откидными рукавами, которые носились чуть ли не до 18 века, высокие папахи с матерчатым верхом, изображение “небесного оленя” – священную эмблему скифов, которая до сегодняшнего дня красуется на историческом гербе донских казаков. А еще приемы владения конем, оружием, да и само оружие, например, скифскую булаву.

Крупнейшие объединения античных полисов Приазовья и Дона – Боспорское царство союзничало с Римской империей. Их объединенные войска воевали в Закавказье. Войска пополнялись воинами аланами и антами с громадных территорий от современного Воронежа и Киева до Кавказских гор.

В III веке новой эры начался новый этап истории именуемый «Эпохой Великого переселения народов». Из Южной Скандинавии двинулись племена готов, поселились среди степных алан, между Доном и Днепром, но встретили жесточайшее сопротивление антов, живших к западу от алан. Со временем, степные готы “грейтунги” или остготы тоже стали федератами Рима и воевали в Закавказье, Сирии и Месопотамии с вытеснившими парфян персами.

В 370 г.н.э. на Северном Кавказе и на Дону появились гунны, которые подчинили себе или соединились с аланами и антами, и с их помощью разбили готов. Они захватили Таманский полуостров и Крым, многое разрушили, но как считают археологи не затронули общественное устройство местных народов. Преемственность культур степных народов не прервалась.

Вместе с гуннами из района нынешней Тюмени переселилось племя “сибыр или м.б. савир”, давшее имя не только огромной части современной России, но и растворившись в среде славян, населивших впоследствии, северо-запад Великой степи дало им свое имя, которое произносилось как “севрюки”. (Современные ученые лунгвисты-тюркологи считают, что с языка сибирских татар слово “сибирь” переводится на русский как “пурга”). По имени этой значительной части степного населения (севрюков), составлявшим чуть ли не треть предков днепровского казачества названы часть современной Украины – Северщина, Северский, (а не северный!) Донец, Новгород – Северский и др.

В V веке значительная часть гуннов, алан, готов во главе с Атиллой, ушла в завоевательный поход на Запад, положив начало великому переселению народов, но в степи остались многочисленные племена гуннов: утигуры, кутригуры, оногуры, и др. На Дону существовало их большое объединение Ака-Чери, что в переводе означает “главное войско”. Примечательно, что именно так называли свое сообщество ниже – донские казаки в 16-17 веках. Их, резко отличавшихся от остальных казаков внешним видом и особенностями речи, до 20 века кликали “качурами”. (Качур, Кучма – тюркс. – кочевник)

Объединение племен на Северном Кавказе в 6 веке создали савиры, их называли еще суварам, серобами. Они отвоевали у персов почти все Закавказье. Их имя слышится в названии казачьих ватаг – товариществ, которые звались “сербо”. В VI веке огромное влияние на судьбы народов населявших Великую степь имел Тюркский каганат. В него входило множество племен, родственных по языку. Просуществовав не долго, как государственное объединение,

он распался из-за внутренних неурядиц, но тюрки, входившие в него, создали новые государства, расположенные, отчасти, на территории современных казачьих областей.

Тюрки: болгары, хазары, черкасы, печенеги, половцы

Населявшие Великую степь с IV века, народы были родственны – все это тюрки, говорившие на близких языках. Это позволяло им создавать государственные объединения, но не мешало и смертельно враждовать. Возникшая на развалинах Тюркского каганата, со столицей в Фанагории, Великая Болгария, пала под ударами, родственного болгарам, тюркского племени хазар. Болгарский хан Аспарух увел часть своего тюркского племени на Балканы, где положил начало государственности будущего славянского Болгарского государства. Оставшиеся в Прикаспии болгары и савиры подчинились хазарам, которых возглавила тюркская династия Ашина (кит. "царственные волки"). Возникло новое мощное предгосударство – Хазарский каганат.

Хазарские страницы истории (по Л.Н. Гумилёву)

Большинство в этой разноплеменной общности составляли дагестанские хазары, донские болгары и аланы. Общепринятым языком был тюркский.

Первое на территории Европы раннефеодальное государство Хазария не знало покоя. Главную опасность представляли арабы, принявшие новую религию – ислам и рвавшие в Великую степь через "Железные ворота" – Дербент – кала. Нескончаемые войны заставили часть хазар и северо-кавказских алан – ясов переселиться на Средний Дон (от района нынешней станицы Цымлянской) и по его притокам Северскому Донцу, Осколу, Хопру и Тихой Сосне, где они жили оседло в городах и поселениях совместно с донскими болгарам.

В нашем четвертом классе даже самые непроходимые двоечники, хоть раз в жизни да произносили слово "хазары".

"Как ныне собирается вещий Олег

Отмстить неразумным хазарам"" -

как попугаи повторяли мы строки Пушкина, хотя ни про каких "хазар" слыхом не слыхивали и ничего про них "не проходили", а потому и не представляли – почему Олег "вещий", за что собирается он "отмстить" хазарам и почему – хазары "неразумные". От полного непонимания пушкинской строки у некоторых чтецов – декламаторов она звучала: "Как ныне собирает свои вещи Олег".

Нам, неучам, было смешно!.. А ведь хазары – это чуть ли не половина нашей древней истории. Если не знать истории хазар, то в истории "наших предков славян" нечего не поймешь: славяне "триста лет платили дань хазарам", – глухо сообщает Летопись.

История государства хазар исследована относительно недавно. И, конечно, не потому, что Хазарский каганат распался под ударами славян, а, в основном, из-за природных катаклизмов: основная часть государства находилась в дельте Волги и на берегу Каспия, а уровень воды в Волге и Каспии был тогда на несколько метров ниже нынешнего. Так что, по прикидке ученых, сейчас на суше находится лишь пятнадцатая часть бывшей столицы хазарского государства. Все остальное – под водой.

Хазары, первоначально, – дагестанское племя. Кроме дельты Волги жили они еще и в дельте Терека и Сулака. Как выглядели хазары? Посмотрите на современных терских казаков – они дальние потомки хазар – и вы составите о них представление. Низкорослые /мужчины не выше 160 сантиметров/, на вид довольно хрупкие, но очень выносливые, темноволосые и горбоносые. Их потомки – кавказцы-дагестанцы и терские казаки, астраханские татары и некоторая часть азербайджанцев. Жизнь хазары вели оседлой: занималась, в основном, рыболовством, охотой и виноградарством. У себя дома, на своей родине, хазары никого не боялись. На Волге они жили на островах, в плавнях. Зимой к ним не пройти – лед тонок, а летом – все проходы и протоки в камышовых лабиринтах знали только свои.

Сравнительно не далеко пролегла древнейшая торговая дорога – Шелковый путь. Но хазары услугами купцов с Шелкового пути не пользовались: те везли предметы роскоши, драгоценности и гнали рабов, а хазарам – рыбакам и виноградарям – все это не нужно.

Приблизительно где-то в V-VI веках к хазарам пришел хаан, (хакан, каган) тюрк из династии Ашина, бежавший после распада Тюркского каганата. Войско тюрк было немногочисленным, во главе войске стоял царь. Хазары приняли тюрк и их царя, поскольку тот их ничем не обременил, а какое-то подобие государства возникало, и появлялась гарантия некоторой защиты от врагов.

Хазары с тюрками прекрасно ужились. Тюрки занялись скотоводством. Потянулись годы совместного проживания, постепенно, и те, и другие стали называться хазарами, разница между ними стерлась! Вокруг хазар двигались народы, возникали и погибали царства, а они жили себе на плавнях, недосыгаемые для врагов. Они на некоторое время оказались на окраине всех войн и государств. Но история никогда не ходит по гладким дорогам! И нет такого угла, где можно спрятаться. Возникло новое религиозное учение – ислам. Очень мирный по своим постулатам, с глубокой философией и этикой, в реальной жизни Ислам оказался агрессивным и жестоким. Носители нового учения -арабы начали, по меркам того времени, мировые войны.

Арабы побеждали всех на огромных пространствах от Испании до Индии, но когда попытались прорваться через Железные ворота "Дербент-кала", то столкнулись с хазарами и совершенно неожиданно получили сильнейший отпор. На просторы Великой степи арабов, а вместе с ним и ислам, не пропустила крошечная Хазария. С 662 по 744 арабы то и дело накатывали на Дербент, но пройти так и не смогли. У хазар не было поддержки – ни от алан, ни от мадьяр, ни от бургасов, ни от далеких славян, а они дрались и побеждали. Это тюрки научили их сражаться в степи, а в плавнях и топиях им не было равных и прежде.

Хазары сохранили независимость и остались свободным народом. На стороне хазар сражались иудеи, которых религиозная война огнепоклонников зороастрийцев Древнем Иране заставила покинуть иранские города и бежать в соседнюю Хазарию.

Веротерпимые хазары приняли иудеев. А иудеям, вчерашним горожанам, в степях Предкавказья в долинах Терека и Сулака пришлось заняться скотоводством – в чем они весьма преуспели.

Две общины, иудейская и хазарская, сосуществовали мирно, успешно обмениваясь продуктами питания. Родственных контактов между ними не было – народы с разными способами хозяйствования, не смешиваются. Рыбачка не пойдет за пастуха – кочевника – она не сумеет вести хозяйство в его роде. Что касается пастушки, то ей нечего делать в доме рыбака. Гаремов тогда не держали, не было и городов, где люди живут в искусственных одинаковых условиях и ассимиляция становится возможной.

Но вот агрессивные арабские войска снова оказались совсем рядом, и хазары с иудеями встали против захватчиков плечом к плечу. После первой совместной победы над арабами иудейский военачальник Обадия пришел к выводу, что религиозному нашествию арабов нужно противопоставить не только хорошо организованное войско, но и, как мы теперь говорим, – идеологию.

Хазары-тюрки это тоже поняли и стихийно, неорганизованно, начали отказываться от язычества и принимать христианство.

"Иудеи, которые жили теперь в Хазарии, прежде исповедовали иудаизм, но за время пребывания в степи основательно его подзабыли: обрядов не совершали, молитвы не помнили, но огорчены всем этим не были. Однако, новая ситуация заставила их вспомнить веру предков. Обадия пригласил с Шелкового пути раввинов, которые принадлежали к евреям – рахдонитам.

Те знали свое дело: вскоре не только евреи Хазарии, но и вся хазарская верхушка стали иудеями. Произошло это достаточно быстро.

У хазар наследование происходило по отцу, у евреев – по матери. Поэтому ребенок, рожденный в браке хазарина и иудейки для хазар – свой, и для иудеев – свой. У него двойное преимущество. Царевичу, рожденному в таком браке, открыты все тайны хазарских поселений и протоков в плавнях, ему же открыта и вся глубина мировых знаний, которыми обладали образованные рахдониты, непрерывно идущие по дорогам из Пекина в Мадрид и обратно. А кем считал себя сам царевич? Он считал себя иудеем, поскольку исповедовал эту религию.

Если кто-то имеет двойное преимущество – значит у кого-то преимущество отнято. Значит, этот кто-то – дважды обездолен. Такие тоже были. Ими оказались горожане – сыновья иудеев и хазаринок. Их исторгали обе общины. Позднее, побочные сыновья обоих народов составят свои общины. Предположительно, из них образуется народ караимов, возможно, – татов и других горских евреев.

Все происшедшее привело, постепенно, к созданию правящей элиты хазарского государства. Государства сильного, но страшного государства.

Хазарский, каганат – так стало именоваться новое государство – превратился в кошмар для соседей! Теперь по Шелковому пути стали возить не только шелка и драгоценности, сколько гнали рабов. Хазары стали поставщиками живого товара.

Рабов отлавливали в Поволжье, за Уралом, возили рабов из Киева. По одному источнику, двадцать пять государств, в том числе и Поднепровская Русь, платили дань Хазарскому каганату, в основном, живым товаром!

В самом страшном рабстве оказались сами хазары – турки. Собственный, но этнически и религиозно чуждый им, государственный аппарат сделал их беззащитными, а они уже не могли больше укрываться в своих плавнях: все протоки стали известны властям. Семьи хазар превратились в заложников, потому что изменилась и система отношений в войсках. В случае победы хазары-воины награждались частью добычи, а в случае поражения – казнились поголовно.

Надо ли говорить, что когда хазары шли в дальние походы – они вынуждены были побеждать, чего бы им это ни стоило! Разумеется, чувства, которые хазары испытывали к своему государству, сродни ненависти. Вот почему, когда на каганат напали его недруги – хазары разбежались. Более того, хазары-турки оказались сторонниками завоевателей каганата, воспринимали их, как своих освободителей! Да так оно, впрочем, и было. Многие десятилетия Киев платил хазарам дань. Но когда окреп, то войска русов довольно-таки легко взяли столицу каганата город Итиль /964 год/. Хазарский каганат пал окончательно.

Но если о гибели своего государства не жалели даже хазары, то надо ли говорить о том, как были счастливы окрестные народы?! Языческое население Волги обратилось к исламу – под влиянием хорезмийцев, воевавших с хазарами. Хазары-мусульмане слились с мусульманским миром. Они стали предками современных азербайджанцев и астраханских татар. Хазары-иудеи были вывезены русами по Шелковому пути в Испанию. Часть же из них осела в Киеве на Подоле.

Коренные этнические хазары, принявшие христианство частично осталась на Тереке, а частью перешла на Дон. Итак, хазары-турки в какой-то степени очень дальние пра-пра-предки некоторой части терских и ниже – донских казаков. Почему, лишь, в какой-то степени? Да потому, что от хазар до казаков еще очень большое временное расстояние.

Хазары, поднявшиеся вверх по Дону, сделали это совершенно свободно, потому что после падения Хазарского каганата его территория вошла в состав огромного Тмутараканского княжества князя Изяслава, что простиралось на север до Рязани. А если говорить точнее – это

было славяно – хазарское государство, в котором жили и другие народы: торки, гузы, печенег, болгары, буртасы, ясы...

Болгары и савиры из Хазарии расселились в Крыму, на Волге и Каме, где в последствии создали государство Волжскую или Камскую Болгарию со столицей Булгары. Эти переселенцы явились предками современных казанских татар, которые в 13 веке долгое время сдерживали тумены, рвавшихся на правый берег Волги, татаро- монгольских завоевателей и более других народов пострадали от их нашествия. По иронии истории, они носят имя своих злейших врагов, к которым по происхождению не имеют никакого отношения.

Были и еще причины падения Хазарского каганата. Владевший огромными территориями и сотнями подвластных народов Хазарский каганат был раздираем внутренними противоречиями. Хазары и другие племена, составлявшие каганат, исповедовали разные религии. Под влиянием еврейской общины, жившей в Хазарии, правящая верхушка приняла иудаизм. Многие историки считают, что именно это решение послужило толчком к бегству из Хазарии на Дон алан и хазар христиан, уходу болгар, которые вскоре принимают ислам.

Причем тут казаки? Растет в наших землях куст “ашина” ягоды на котором почему то называются волчьими. Ну да это так, к слову. А вот что по существу. Общины тюрок хазар, болгар, алан, жившие на Тереке и Сулаке, переселившиеся на Дон и в малом числе на Яик (Урал) – предки современных терских, донских и части уральских казаков. История Хазарии на этом не заканчивается. В X веке меняются границы Хазарского (Хвалынского, Хвалиссы) моря – Каспия. Часть городов могучей державы уходит на дно, часть остается без питьевой воды, вот тогда на ослабевший каганат обрушиваются славяно-русы молодого Киевского государства, под водительством князя Святослава. Он освобождает от дани Хазарии волжских болгар, подчиняя их себе. А на месте каганата его сын Владимир Равноапостольный создает Тмутараканское княжество где первым русским князем становится Мстислав. История народа хазар не завершается этим покорением. На Северном Кавказе они жили как и прежде, племя с этим именем живет в Турции и сегодня, (в Крыму часть их приняла имя караимов), а на Тамани и в Пятигорье, скорее всего, имя “черкасы”. И это те самые черкасы – военачальники, которые основали казачьи города Черкасы на Днепре и Черкасск на Дону. Происхождение это имени до сих пор загадочно. В тюркском языке есть слово “черекеш”, что означает мужчина и стрелок из лука, есть и несколько других толкований. Великая степь – же, как и прежде, оставалась большой дорогой цивилизаций. По ней на Дон и Днепр пришли тюрки огузы – торки и грозные печенег. И вот один из главнейших исторических вопросов – а сколько числом, в те времена проживало людей разных народов на упоминаемой территории. Поскольку “несметные полчища” исторических свидетельств в разные времена сильно разнятся.

Все население нынешней Европейской части России и Украины, (все славяне, тюрки, балты, угры и финны и еще десятки племен) составляло не более четырех миллионов человек. Так что, когда с далекого Алтая в Донские и Днепровские степи пришли племена половцев-кипчаков, (тоже тюрок), числом в 300 тысяч – очень значительное число! Мозаика народов, населявших Великую степь, еще раз, резко изменилась. Пришельцев китайцы звали «динь-линь» «стеклянноглазые», светловолосые, (но не как финны – соломенные, а темно-русые – волосы цвета мякины- половы), как и большинство тогдашних тюрок, с европейскими чертами лица. Летописи называют их “погаными”. Но слово “паган” – на латыни, означало тогда всего-навсего “человек другой веры”– тенгрианцы. Хотя и это было не верно. Значительная часть половцев исповедовала христианство – несторианство. Половецкая культура, кыпчакский язык наложили значительный отпечаток на все население Великой степи. К скифскому “небесному оленю, пораженному античной стрелой древнегреческого Гермеса Трисмегиста ” добавился половецкий, кыпчакский “гусь-лебедь” – тотемный знак воина – общинника по кыпчакски- “ак-гыз” или “кыз – ак”.

Кто крестил казаков?

Упорно, из века в век, казаки не устают повторять:

– Нет, не в Киеве крестили нас, казаков. И было это совсем не в 988 голу, а почти на сто лет раньше! И не Святой князь Владимир крестил наших предков. Наших предков крестил – Святой Равноапостольный Кирилл, просветитель славянства в Азове в 860 году. Трудно это доказать, но трудно и оспорить.

В житиях Святых братьев Кирилла и Мефодия есть сказание о том, как знаменитый ученый Константин, принявший в монашестве имя Кирилл, путешествовал по Причерноморью, по греческим колониям, по тем районам, где жили христиане – греки, и, в основном, и славяне. В одном из городов, (в греческой колонии Тана), увидел он толпу пленников, которых гнали на невольничий рынок. Святой спросил: – Кто вы? Откуда?" Те ответили:" – Мы – хазары..." Оказалось, что это были последние из тех хазар, кто еще не был крещен, что шли они в Корсунь, в Крым, чтобы там креститься, но были схвачены в плен. Святой выкупил невольников и тут же окрестил их.

– Это были наши праотцы! – до сего дня твердят казаки и упорно считают днем своего крещения – 24 мая – день Святых Кирилла и Мелодия, просветителей славянства. А в рассказе о двух братьях казаки не преминут добавить, что Святой Кирилл окрестил тогда последних некрещеных хазар, а самые первые крестились и еще раньше – вместе с армянами и аварами.

До конца XVIII века на Дону сохранялся и чтился такой ритуал: в мае, 24 числа, казаки прекращали все работы, и даже войну с турками, и шли в Азов, где по преданию, стояла церковь, в которой Святой Кирилл свершил когда-то ритуал крещения. Даже турки – азовцы, уважая веру своих противников, всегда в этот день пропускали казаков сквозь свои укрепления.

Возникает еще один вопрос: кто были те невольники, которые приняли крещение из рук великого просветителя? Надо полагать, это было смешанное славяно-хазарское население, которое говорило уже, в основном, по-славянски. И активно переходило полностью на славянский язык, поскольку на нём, трудами Кирилла и Мефодия, шло теперь богослужение.

Современные историки уточняют, что первым крестителем на Руси был митрополит Фотий, который крестил полян еще задолго до Владимира и даже до Кирилла.

Причерноморье и южная окраина Великой степи была крещена гораздо раньше того, как в Киев пришли монахи. Здесь были греческие колонии, здесь жили христиане – византийцы, а на Кавказе жили армяне-христиане, принявшие христианство и еще раньше – в 330 голу. Юг был христианским в значительной части. Не случайно и сам будущий Святой Равноапостольный Владимир, князь Киевский, крестился в Херсонесе, нынешнем Севастополе. То есть – опять же в Причерноморье. Есть и еще одно соображение. В созданном Кириллом и Мелодией славянском алфавите есть буквы, которые не звучат в русском литературном языке. Поэтому их и упразднили. Скажем, знаменитая "фита", заменили буквой "ф", а в южно-русском говоре она звучит: это знаменитое "ХВ".

Казак – ростовчанин или кубанец скажет: – Хвома, Хведор...

– Так что – у вас буквы "ф" совсем что ли нет? – спросят у них.

– Как нет? Есть! "Фатит"!

История со Святым Кириллом еще требует доказательств. А, может быть, это и не нужно никому доказывать? Зачем?

Мне это важно. Мне важно, что утверждение – "казаки от казаков ведутся", которое казаки отстаивают с таким упорством, действительно, имеет под собой наисерьезнейшее основание,

– А это кому нужно? – Ну, докажите вы, что казаки или их предки крестились в 860 году... Ну и что?

– Как – ну и что? Это же огромная, неизвестная еще часть истории России. Это наше общее прошлое. А без него нет будущего. Мы так пристально мучительно смотрим в прошлое, чтобы знать куда идти в будущем!

Половецкие страницы истории (по Л.Н. Гумилёву)

Половцы звались кыпчаками. Половцами их называли киевские летописцы, вечные недоброжелатели всех степняков. Они-то и изобразили половцев лютыми врагами Руси. А позднее молва отождествила половцев с монголами, к которым они не имели никакого родственного отношения. Наоборот, от монголов половцы пострадали гораздо больше, чем жители Киевской Руси. Но обратимся сначала к далеким временам, когда кыпчаки спустились с гор Алтая и долгое время входили в племенной союз с кимаками, которые жили по берегам Иртыша. Но однажды, уже в X веке, большая часть кыпчаков вдруг вышла из этого союза и двинулась на запад. Пройдя сквозь многие земли, в том числе землю гузов, кыпчаки обрели новую родину: это были низовья Днепра, Днестра и Дон.

Присмотревшись к этому новому народу, славяне отметили, что кыпчаки отличаются от своих южных соседей тюрок цветом глаз и волос. Волосы их, отметил летописец, цвета половец (мякины). Вот от этого крестьянского слова и возникло знаменитое – половцы. А в более позднем свидетельстве арабский географ рассказывает о них так: “Кыпчаки отличаются от других тюрок (а не от монголов!) своей религиозностью, храбростью, быстротой движений, правильностью черт и благородством”. То, что половцы даже отдаленно не напоминали монголов, подчеркивает тот ужас, который вызывала у славян внешность монголов: до 1223 года на Руси никто ничего подобного не видывал.

Половцы, как выясняется, оказались народом для Киевской Руси не очень-то опасным. Они пришли в южные степи на излете своей истории. Власть внутри племен ослабла: половецкий хан остался только вождем добровольцев, а при мобилизации мог поставить в строй войско небольшое – три, пять тысяч воинов. Растекшись по огромному пространству, половцы еще больше ослабили социальные связи внутри своего этноса и потому половецкий племенной союз, стал очень непрочным, но благодаря этому, половцы легко уживались с соседями – со всеми народами, с которыми соприкасались в районах своих кочевий.

Не тронули, скорее не смогли тронуть, половцы и живших на Дону и Днепре потомков хазар. Те, скорее всего, даже вошли в половецкий племенной союз: соседи половцев не заключали с ними никаких договоров, просто жили, ничего не меняя ни в привычках, ни в образе жизни.

Были ли у половцев враги? Были! И враги злейшие. В степи лютыми врагами половцев стали турки огузы и печенеги! Но и для других жителей степи соседство с половцами оказалось весьма неприятным, и если говорить о них честно, то нельзя не отметить одну из сквернейших сторон в их жизни: пышным цветом цвела у половцев работорговля. Правда, больших походов половцы организовать не могли, при сопротивлении противника сразу отходили, добычей их становились отдельные “странники”, мелкие кочевья, а то и – частенько! – собственные соплеменники.

Сами половцы рабов почти не держали: при кочевом скотоводстве для них мало работы, да и кормить накладно. Развитое рабовладение – особенность мощных государств. Тогда зачем же понадобились половцам рабы? Половцы становились в процессе работорговли, как бы мы сказали сегодня, посредниками.

Помните русскую народную сказку “Гуси-лебеди”? О том, как украли гуси-лебеди братца Иванушку, да и отнесли его к Бабе Яге. Откуда же прилетели Гуси-лебеди? По тюркски “кыз” – гусь, “ак” – белый. Стало быть, гусь-лебедь – ак кыз. А где жили-поживали эти ак кызы, белые лебеди? А поживали они на реке Хопер – название, которое в переводе с тюркского означает “гнездовище лебедей”. Конечно, речь идет не о птицах, а о племени, у которого белый лебедь-знак, божество, тотем, мистический общий предок- бог.

Половецкое общество, сообщают историки, делилось на три класса: привилегированное сословие – ханы, уздени; низшее сословие – кулы (невольники, рабы), а среднее – свободные общинники назывались – казаки!

Ак- кыз – казак... То, что в языке другого народа (скорее всего у бродников) чужое, непонятное слово как бы перевернулось и из “аккыз” получился “казак”, или наоборот, совершенно допустимо. Говорят же у нас, на Верхнем Дону, в тех самых местах, где проживали “гуси-лебеди”, не магазин, а “гамазин”. До сегодняшнего дня говорят. Свой родовой знак имели не только гуси лебеди половцы – казаки, но и другие степные половецкие племена. Об этом написал замечательную работу один из исследователей Ковалевский “Кто есть кто в Слове о полку Игореве” – биолог по профессии. В силу своих профессиональных знаний он обратил внимание на то, что поведение животных в “Слове” не совпадает с их природным поведением. Исследователь пришел к выводу, что в “Слове” “не волки воют, не лисицы лают, не вороны граяхуть”, а происходит нечто иное. Разные половецкие племена выясняют отношения с русичами (это слово всего один раз и впервые появляется в “Слове”, так себя в то время никто не именовал) Когда ученый наложил свою карту, составленную им по тотемным знакам, упомянуемым в “Слове”, на карту половецких кочевий, карты совпали.

Кстати, а как ведут себя в “Слове” гуси-лебеди? Они молчат. Племя лебедей либо поддерживает князя Игоря, либо держит нейтралитет. В “Слове” половцы – лебеди называются славянами “ковуи” это и означает по-славянски “лебеди”. Ковуи поддерживают со славянами дружественные отношения. Они живут около границ киевской Руси, в районах нынешней Воронежской и Волгоградской областей.

Южнее жили половцы – лукоморцы. По берегам Черного и Азовского морей. Так, что лукоморье, где дуб зеленый и золотая цепь на дубе том – Причерноморские и Азовские степи.

Вопреки расхожему мнению, отношения между половцами и Русью складывались в основном, мирные. Во-первых, потому, что жители Киевской Руси и половцы оказались народами “комплиментарными”, то есть друг другу симпатичными. Во-вторых, Русь – значительно сильнее. Поселившись в европейской степи, половцы оказались в непривычных для себя условиях хозяйствования. Зимой здесь выпадало много снега и заниматься отгонным скотоводством невозможно. На период обильного снега скот приходилось собирать в загоны и кормить заготовленным сеном. Кстати, по-тюркски такие загоны вместе с поселением пастухов назывались “кош”. У нас, загон для овец и сегодня называется “кошара”. Кош – это большое хозяйство. Отсюда – кошевой атаман.

В зимний период половецкие становища, сильно напоминавшие маленькие городки с глинобитными стенами, делались легко уязвимы... “И пошли князья в степь и пожгли вежи”. “Вежи” в неправильном переводе – палатки, становища. А на самом деле – сенные склады, которые княжеские дружины любили предавать огню.

Пережив погром, половцы, разумеется, наносили ответные удары, хотя и меньшей силы и затрагивали самые только окраины славянских земель. Почему же летописцы все время пишут про половецкие набеги и про половцев “поганных”? Кочевое скотоводство дает возможность высвободить значительную часть мужчин, для защиты своих кочевий, стад и пастбищ которые собираются в небольшие воинские отряды. Вот их-то и использовали русские князья в своих междоусобных войнах. Это князья, наводили половцев вместе со своими дружинами на города своих соплеменников, на сородичей и братьев своих – князей. Это они поставляли половцам рабов для заморской торговли. Не половцы, а междоусобица и крамола губила Русь. А половцы, как всякие наемники, сами нападали редко, но, в силу договора или родственных связей, помогали воевать то одним князьям, то другим. Те половцы, что перешли Дон – помогали Киеву, летописцы зовут из « свои поганные», а те, что Дон не перешли, «чужие поганные» – суздальским и Владимирским князьям. Казахский поэт О. Сулейменов утверждал, что воюющие за Киев или за Суздаль половцы стало быть между собой, звали противников “беренди” – т.е. перебежчики, предатели. Хотя можно найти утверждение, что “берендеи” какое-то тюркское племя степняков. О том, насколько были близки славяно-половецкие отношения, говорит, например, то обстоятельство, что хан Кончак и князь Игорь разговаривали без переводчика. Игорь знал

кыпчакский язык, у него мать – половчанка. Он и сына на половчанке женил! Брат Кончака принял православие. Если же говорить о нынешних русских, то в каждом из нас, пожалуй, четверть, если не больше, половецкой крови, которую невозможно отделить от славянской, финской и балтийской, как невозможно разделить в нас кровь наших бабушек и дедушек.

А в нашем языке? Судите сами: кушак, башмак, штаны, каравай, собака и др – все половецко -тюркские, русские слова. Что же касается донских казаков, то они, отчасти, прямые потомки половцев, не столько по генетике, сколько по реликтам степной культуры тех древних степняков и нас нынешних: сходный быт, схожие понятия, а до недавнего прошлого сходное устройство станиц. И, наконец, то обстоятельство, что до середины XVIII века Нижний и Средний Дон были двуязычными – кыпчакский язык соседствовал с русским.

– Так вы что, братцы-казаки, не русские?

Вот это – не просто глупость, а очень вредная глупость! Она не просто от малограмотности, она от преднамеренного сознательного отупения! Нет сегодня на земле ни одного половца! Как нет ни одного дреговича, кривича, вятича, полянина – современников, союзников или противников половцев, а есть русские, украинцы, белорусы, казаки, в ком течет кровь этих народов, бывших до нас... Народы, как все живое, рождаются и умирают. Но люди остаются. Правда, очень часто они и не помнят, чьи они потомки. От громадных когда-то народов остаются малые группы, маленькие народы. Так считается, что гагаузы, возможно, потомки тюрок-огузов, печенегов, кумыки – половцев. Только ведь гагаузы и кумыки – современные народы! Половцы – другое время, равно как и печенеги. Куда же они ушли, где их размыло?

Половцы не больно собой дорожили. Громадный вал половцев и славян пополнял все невольничьи рынки мира. Особый ход – в Египет. Именно туда столетиями вывозили рабов с Дона и Днепра. Оттуда, из наших степей, с петлей раба на шее, шли будущие грозные мамелюки, “потрясатели вселенной”, покорившие всю Северную Африку, часть Испании, Аравийский полуостров, доходившие в набегах до реки Суб-ан. (Сладкая вода – Кубань /араб./). Их имя наводило ужас на все народы. Они были свирепы и безупречно честны. Постоянный корпус в двенадцать тысяч гулямов – мамелюков проходил, как нож сквозь масло, через любую армию и любую пустыню. Суров их устав. Мамелюком мог стать только бывший невольник. Ни сын, ни внук его в гвардейский корпус хода не имели. Какая тоска таилась в глубине их светлых глаз?... Что помнили они? Какие степи взрастили их судьбу? Какие песни пели они в своих роскошных казармах с фонтанами и райскими птицами, на каком языке? Известно, что с народами покоренных стран они говорили только через переводчиков, и даже когда овладевали местными наречиями, никогда сами к ним не обращались. Иногда вдруг попадаетесь в документах “Мамелюк Евграф сын Филиппов вывез свою семью в Египет из Рязани” – XIII век, на Руси и в Степи – монголы...

Половцы появились в Великой степи в начале XI века. Впервые столкнулись с Русью в 1050 году, когда широким потоком рассекли самое большое княжество Тмутараканское. А в 1223 году совершили страшнейший по степным меркам поступок, которые монголы им не простили: половцы казнили монгольских послов. По европейским понятиям того времени, а половцы были уже народом Европы, проступок хотя и скверный, но простительный (можно покаяться, откупиться, как говорится, “замять”), по законам степи, такое каралось только смертью. Причем, за проступок вождя отвечало все племя. Степняки считали предательство болезнью вроде чумы холеры или проказы и уничтожали всех родственников предателя, как зараженных бациллоносителей, как бы мы сказали сегодня. Такое понимание предательства живет, в сказаниях и легендах, до сегодняшнего дня у коренных казаков и кавказских горцев. Этим преступлением половцы поставили под удар не только себя, но и своих, если не родственников, то уж во всяком случае близких свойственников – славянских князей.

Монголы пришли в степь наказывать половцев. И сделали это по всем правилам, несмотря на отчаянное сопротивление кыпчаков. Тогда монголы были народом молодым, а главное,

совсем по-другому организованным: у них – не родоплеменной союз, а железная орда. Орда означала –порядок, отсюда европейское слово орден – первоначально военная организация. (Впоследствии, это слово переведут, как слово “войско”, вот и станут казаки называться Донским войском, войском Яицким, Терским, Волгским. Хотя еще Булавин будет обращаться “ко всем казачьим ордам”).

Куда же, в конце концов, подевались половцы? Да никуда! Где были, там и остались, только влились в другие народы и стали основой для новых народов.

Монголы мало что внесли в генетику Степи, а вот государственное устройство изменили сильно. Завоеватели быстро растворились в многочисленных улусах покоренных. Они успели вырезать или изгнать узденей, продать в рабство не разбежавшихся кулов, а свободных общинников сделали татарской гвардией. Так половцы впервые превратились из народа в сословие.

В 1312 году Золотая Орда официально приняла ислам. Степняки язычники не особенно сопротивлялись, потому что с этого момента сразу и навсегда прекращаются караваны рабов-мамелюков из Степи. Гулямов воинов – рабов для Египта теперь набирают на Кавказе. И очень скоро от их былой славы не остается и следа, хотя корпус мамелюков дожил до Наполеона.

Однако, степняки средневековья, в значительной части христиане! Существовала даже Подонская и Сарская Православные епархии, учрежденная в Золотой Орде во времена Александра Невского. Православные половцы-казаки хлынули толпами на Русь, на Север, в Москву, в Литву и Польшу. Исход стал массовым, после 1347 года, когда началась, после смерти хана Узбека, “татарская замятня” – гражданская война в Золотой Орде. Исход довершил набег Темир-Аксака (“Железного хромца” Тамерлана). Тогда степняки, именовавшие себя казаками, хлынули в отступ и наводнили обозами пути на Русь. Они дошли до Ледовитого океана, где составляя иногда пятую часть населения таких городов, как Великий Устюг. Это они принесли сюда навыки мореплавания, унаследованные с античных времен. Это они превратились в городских казаков московской службы. И отсюда начали свое шествие к Тихому океану в партиях и дружинах землепроходцев. Но даже само слово “казак” здесь, на Севере, приобретает другой смысл: “казак” – поденщик, работник за харчи. Самый последний бедняк-беженец. Размываясь в окрестных народах, кыпчаки все же сохраняли память о прошлом. Правда, пополняясь местными жителями, забывали язык и все чаще именовали себя казаками. Никогда, правда, не отождествляя себя с войском, а считаясь народом. Последние казаки с Севера были переселены Екатериной II на Кубань, в станицы Старо-Ладожскую, Тульскую и др.

Годуновы, Юсуповы, Кутузовы, Аксаковы, Тимирязевы, Боташевы... 300 дворянских родов, самых именитых, так называемых, “татар русской службы” дали половцы будущему русскому государству. Память об исламизации Дона сохранилась в казачьих родах коренного казачьего населения – «тумы прикоренной». Вероятно, к этому реликтовому населению относился Степан Разин (его дед, родовитый казак – мусульманин), Богдан Хмельницкий утверждал, что “по закону от отца он мусульманин”. Последняя волна «тумы» исламского населения донских степей ушла в Турцию, с разрешения русского царя в 1856 году. « Дочерей стало не за кого замуж выдавать – кругом все православные!», где бесследно растворилась в родственниках южных тюрках.

История половцев, как самостоятельного этноса, заканчивается битвой на Калке. Однако, в XV веке имя половцы вдруг появляется вновь. Но возникло с новым, измененным наполнением. Вот что пишет Л.Н.Гумилев: «Так стали называть, и вполне правильно, степняков Причерноморья, вставших в оппозицию к татарам Поволжья. Вожди Причерноморских улусов – в XII веке Ногай, опиравшийся на Тверь, Москву и Переяславль, а в XIV веке Мамай, опиравшийся на Литву и генуэзскую колонию Кафу – боролись против Золотой орды и Ростово-Суздальской земли.

В 1377 году, при подготовке русского общественного мнения к Куликовской битве, осуждение “половцев” означало антипатию к Мамаю. И, видимо, летописец Лаврентий перенес

близкую ему ситуацию на прошлое, уже потерявшее актуальность. Однако, будучи добросовестным историком, он не исказил хода событий, чем сделал очевидной дисгармонию между фактами и своими личными эмоциями. По свидетельству иностранных авторов, русские называли мусульманских кочевников “половцами” до 1630 года. Войдя в стихию иного, чуждого для Руси суперэтноса, эти “половцы” – татары, ногайцы – воевали со своими давно обрусевшими соплеменниками до конца XVIII века. Так этноним, пережив этнос, вводит в заблуждение историков, придерживающихся буквального восприятия текстов, а вслед за ним и читающую публику».

Для примера расскажем историю Мамая. (Есть смутная догадка-предположение, что носил он христианское имя Маммий). Того самого хана, потерпевшего поражение в 1380 г. на поле Куликовом. После поражения он бежал в свой улус, кочевавший за порогами (в Запорожье). Там, по поверию, которое живо у казаков до сегодняшнего дня, как человек принесший несчастье, он, чтобы отвести беду от соплеменников, ушел из рода. Был пленен, продан в рабство и задушен на галере недалеко от Кафы (Феодосии). Его сын – это и есть тот самый казак Мамай, который изображен на всех народных украинских картинках с неизменной кобзой, люлькой, кривой «козацькой шаблюкой» и оселедцем – хохлом (хох – оол (тюркск.) – “сын неба”, знак особой божественной печати и служения богу Тенгри), занесенный в Европу самодийским племенем “северян” или севрюков, жителей Северного Донца, Северщины и среднего Дона (к ним, например, принадлежал Булавин). Казак Мамай откочевал в Литву, где получил титул князя Глинского. Его сын, князь Глинский, прибыл в Москву, которая принимала в те поры казаков с распростертыми объятиями – нужны были служилые люди, – и выдал свою дочь Елену за Василия III. Таким образом потомок половцев хан Мамай – прадед русского царя Ивана Грозного... А Мамаев и Ногаев полно на Кубани и Днепре, на Дону Мамаевы и Ногаевы – тоже либо их прямые потомки, либо потомки татарских казаков – воинов из орд Мамая и Ногай.

Бродники, половцы, мещеряки, татары

Писатель историк Гордеев выводил название “бродники” от национально социальной группы рабов Золотой Орды, которые содержали броды и переправы через реки в Золотой Орде, забывая, что так именовались какие то племена, жившие в степи задолго до прихода монголов. Бродниками, вероятнее всего, именовались степные охотники. Их общины состоявшие из православных хазар, алан, болгар и славян чувствовали себя хозяевами в донских степях. Правда, у них было два врага: печенег, торки и другие кочевники -тюрки, ходившие в степи, и черниговские, киевские и северские князья, которые, руками своих пахарей сдавливали гоны и ловы, осваивая новые и новые участки степи. И если с тюрками можно было договориться, от них можно было спрятаться, уйти, то князья наступали планомерно и постоянно и уж своих оенных пахарями уделов никому не отдавали.

Вероятно, половцы были серьезной угрозой бродникам. Во-первых, их много. Во-вторых, они не были кочевниками такими как печенег и тюрки огузы. Они строили будуну – глиняные города, вежи – постоянные стоянки, были знакомы с огородничеством, поэтому на земле закреплялись прочно, степь осваивали основательно и очень скоро начали родниться с князьями Киевской Руси. В степи половцы повсюду. В топонимах осталось их родовое имя – “сары”. Сары – тоу – желтая (или принадлежавшая половцам) гора –Саратов, Сыры –су, желтая вода – Царицын, Ак су – Аксай – белая вода, и еще тысячи названий – вех тех мест, где обитали их орды. Скотоводство высвобождает множество воинов, которые ищут пастбища, защищают стада и станы. Звали их белые гуси – лебеди, по-славянски “ковуи” по кыпчакски “казаки” – вольный общинники, конные воины. Очень скоро киевские князья стали привлекать отряды половцев для воинской службы. Шла кровавая усобица и летописец не случайно говорит, что половцы на Русь сами не нападали – их наводили друга на друга князья. Воинов кыпчаков стало столько, что появилось и вытеснило все другие названия новое тюркское слово

– богатырь. О стремительном слиянии тюрков-половцев и славяно – русов говорится в знаменитом Слове о полку Игореве, где степняки оставляют чуть ли не основную часть княжеской дружины: тут и ковуи, и кметы – севрюки, все они именовались русскими, потому что служили русским князьям, а себя, скорее всего, называли “казак”.

Да и сам то князь Игорь Новгород – Северский – сын половчанки и своего сына женил на половецкой княжне. Кстати, мать Александра Невского была внучкой половецкого хана, а его отец – внуком ясской княжны. Русь и степь сливались, поэтому в “Слове” нет такого понятия как “переводчик”. Герои этого произведения говорят на новом славяно-тюркском языке – русском. Слиянию славян и тюрков в новый русский народ способствовало и то что значительная часть половцев христиане. (Возможно христиане – несториане)

У половцев лютые враги – монголы. Когда они не смогли проломить оборону половцев на Иргизе, тогда монгольское войско обошло Каспий и через Кавказский хребет вышло прямо в половецкие донские степи, где их никто не ожидал. Монголов провели по степям бродники, которые если не видели в них своих освободителей, то не упустили возможности отомстить князьям киевским. Совместное русско-половецкое войско оказалось на голову разбито при Калке (возможно, река Кальмиус), в 1223 году. Не уцелели и монголы. На обратном пути из Европы в Азию их перебили на Волжской переправе булгары, за что в последствии монголы подвергли их истреблению

Через пятнадцать лет монголы под водительством Батыея вернулись и Русь пала. А сколько же их было, монголов? Четыре тысячи, две из которых, сразу после похода, вернулись в Монголию. Значит, в океане Днепровско – Донских степей осталось две тысячи монголов. Они ничего не могли изменить этнический состав, живших здесь народов, но они изменили государственное устройство Степи. Прекрасно усвоив китайскую науку владения покоренными народами, они заставили всех русских князей признать их господство, выдавая им ярлыки на княжение. С половцами поступили круче: их долго преследовали, принудив большую часть бежать за Карпаты и Дунай и полностью изменили кыпчакское общество. Сначала вырезали или изгнали узденей –ханов старейшин и всю аристократию, рабы –кулы разбежались сами, а вот среднее сословие, те самые свободные общинники “казак”, были превращены в ордынское войско. Сюда же приписаны дружины и других степных народов, благо, все они, в основном, тюрки, так возникли “козаки татарские”. “Татарские”, потому что “татарами” монголы называли все, завоеванные и платящие им дань, народы, не вдаваясь в подробности кто они и кем себя считают. Так в VIII – IX веке русскими стали называть всех кто платил дань варягам – русам. Для современников этих событий, да и все 240 лет владычества Золотой Орды, казак, ордынец и татарин – одно и то же. (Забегая вперед скажем, что в документах Московского царства писцы постоянно путают казаков ордынских и служилых татар, именуя их то “татарами”, то “казаками Великого князя”)

Очень скоро степные все тюрки от болгар – хазар до половцев, включительно, утратили письменность, (хотя своя руническая письменность у них была!), и смутно помнили о своем историческом прошлом, но сохранили веру Ислам и Православие. Это и развело их по разным народам. Монголы же к вопросам вероисповедания оставались, до поры – до времени, равнодушны. Чингисхан повелел в своей Великой Ясе “бояться всех богов” – то есть равенство всех вероисповеданий.

Татарские страницы истории

"Пришли народы неизвестные..."

XIII век. Первая четверть. Среди народов, населяющих Киевскую Русь, Великую Степь, Поволжье и Кавказ, просматриваются черты народов нашего времени. Черты смутные, едва заметные – но все-таки... В Предкавказье живут аланы – потомки сарматов и предки осетин. На Волге – болгары. Со славянами их развела религия: киевляне приняли Православие, болгары – Ислам. Между ними война. Князья Киевской Руси стремятся к Волге – болгары их не пускают.

Русские князья породнились с половцами – воюют вместе, в одних рядах, случается, что и предадут половцев, если обстоятельства складываются не в их пользу.

А половцы ухитрились найти себе наисерьезнейших врагов: они дрались с монголами на рубеже Яика и с помощью башкир удерживали их за Эмбою и Иргизом. /Читателю надо бы запомнить эти названия: настанет время и на этом рубеже Оренбургские и Уральские казаки встанут против кочевников/

Война длилась долго... И вдруг к монголам – пришел успех, в 1219 – 21 годах они разбили хорезмшаха Ирана Мохаммеда, вышли на Кавказ и, мгновенно, разбили грузин. Палее монголам никак было не пройти через неприступный Дербент – они и не стали биться за Дербент, а перевалили через Кавказ и ударили по аланам,

Когда-то аланы громили римские легионы. Но те времена давно переменились. Аланы были разбиты гуннами, после того часть аланов ушла в Испанию, другая на Кавказ, а остальные рассеялись. Аланы приняли христианство, но ни мира, ни спокойствия в их жизнь это не внесло: шла постоянная резня между родовыми кланами, даже на пахоту выходили вооруженными! Конечно же, не смогли аланы оказать хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления. Правда, они обратились за помощью к половцам, но помощи не дождались: половцы никак не могли сообразить, кто же аланам угрожает? Половцы всё еще ждали монголов на Яике.

Донские степи монголы преодолели легко и быстро, потому что здесь обрели они союзников. Союзниками монголов оказались... бродники. Вот сейчас мы и подошли к узнаваемой и уже обозримой истории казаков. Можно спорить, являются ли бродники потомками хазар-христиан. Можно утверждать, что бродники – славяне-кочевники, так считают некоторые ученые, но то, что бродники предки казаков – бесспорно.

Казалось бы, жили себе бродники в степи спокойно: держались сами по себе, кормились охотой и давным – давно вошли в союз с половцами. Поскольку половцев было много, а бродников мало, то некоторые неприятные выходки половцев приходилось терпеть, но это не вызвало у бродников сильного протеста, вот если и испытывали бродники чувство ненависти, то только к Черниговским князьям, И эта ненависть была лютой, готовы были бродники хоть с кем объединиться – только чтобы против Черниговских князей: ведь это они, Черниговские князья, урезали постоянно охотничьи угодья у бродников и вторгались своими запашками и ловами в их, бродников, племенные земли и реки.

Увидя в монголах не столько своих освободителей, сколько врагов половцев и ненавистных их союзников – черниговских князей, бродники провели монголов через великую Степь и помогли им пройти по кыпчакским тылам. Разгромили монголы Юрия Кончаковича, а хана Котяна и Мстислава Удатного отогнали за Днепр.

Скорее всего, монголы не собирались воевать с Киевской Русью. И вот тут возникает разница в понимании ситуации. Сталкиваются два национальных стереотипа европейский и монгольский. Половцы совершили скверный поступок, но по – европейским меркам того времени вполне допустимый: они убили монгольских послов – парламентаров. В европейской части Великой Степи и на Руси/ со времен варягов/ за это преступление можно было откупиться казной. У монголов – только кровью. Остальное хорошо известно и подробно изложено даже в школьных учебниках истории.

Соединенные славяно-половецкие войска /около 80 тысяч воинов/ преследовали отступающих монголов, которые и не совершали никакого маневра, а, действительно, уходили, уклоняясь от боя с численно превосходящим противником.

Во время преследования, князья пошли в погоню не все, не одновременно.

Конные дружины растянулись вдоль пути преследования на большое расстояние, и, в конечном итоге, каждый остался со своей небольшой дружиной без взаимодействия с другими против всех монголов. Теперь уже численно превосходящими оказались монголы, к тому же у них каждый воин сражался лет уже по десять – так что монголы быстро поняли просчеты

князей. Они пересели на свежих лошадей, которых вели в поводу, развернулись и перешли в стремительную конную атаку. Сначала монголы разбили половцев, а потом, одну за другой княжеские дружины. Дружины даже не успевали выстроиться в боевые порядки. Они впервые столкнулись с такой кавалерийской атакой. Это теперь, по прошествии множества лет, мы знаем, как быстротечен и переменчив конный бой, а тогда все – впервые. На плечах половцев монголы вламывались в ряды дружинников и сметали их.

Часть дружин со своими князьями укрылись в хорошо укрепленном лагере, где могли отсидеться в осаде. Осада длилась прока кони не съедали всю траву в округе, и конное войско вынуждено бывало осаду снять. Но тогда этого еще не знали, не сталкивались в Киевской Руси с этим новым ведением войны. Князья вступили с монголами через Плоскиню – вождя бродников, в переговоры. И вот тут опять сработал очень наглядно, различный стереотип поведения.

Вероломный (предающий единоверцев, ломающий веру) христианин бродник Плоскиня крест целовал на том, что монголы не прольют не единой капли княжеской крови. И он не лгал. Князья поняли это, как то что монголы оставят им жизнь, но Плоскиня, скорее всего, знавший монгольские воззрения на этот счет, не сомневался, что князья обречены.

Монголы, считали, пролитие крови, особенно на землю, – страшным грехом, поскольку в этом случае человек не возродиться в будущей жизни. (Правда, всех своих врагов, коих рубили нещадно, они не считали людьми). Монголы не испытывали к князьям ненависти и умертвили их без кровопролития. Пленных князей связали, навалили на них помост и сели пировать сверху. Таким образом князья погибли, но кровь не пролилась. Стало быть, грех убийства и предательства не на монголах, а на Плоскине. О проступке Плоскини казаки не смогут забыть никогда. Я помню, как в станичном моем детстве, мы длинными вечерами говорили о Плоскине, и так и этак, обсуждая страшное его деяние. То, что ненавидел он князей, врагов своих, – не могло быть осуждаемо, вражда была- старая и имела- под собой основания. То, что бродники вступили в союз с монголами – это их право. Грех, в том, что Плоскиня нарушил крестное целование. Как это?! Целовать крест, а клятву нарушить? Казачья легенда гласит, что иудин грех предательства не прошел для Плоскини даром – дружина бродников – христиан ушла от своего Атамана. Когда же увидел он, что случилось с Киевской державою и Русью, то от угрызений совести помешался и повесился, на осине, которая до сих пор дрожит от омерзения.

Монголы дойдя до Венгрии повернули обратно на восток. Но при переправе через Волгу, их окружили тюрки – болгарами (предки казанских татар) и истребили почти поголовно. Однако, этот рейд монголов (всего три тумена, около 20 тысяч всадников под командованием Джабе, Субутая, и Тугачара) направленный против половцев, оказался разведкой боем.

Монголы вернулись в 1237 году под предводительством внука Чингисхана – Батыя и его двоюродного брата Мункэ. Осенью монголы взяли Великий Булгар на Волге. И страшно отомстили булгарам за то, что они изрубили и потопили, возвращавшиеся, после победы при Калке, корпуса Субутая и Джабе. Волжские булгары обращались за помощью к владимирским и киевским князьям. Но те не сочли возможным помогать “басурманам”, а на самом деле пребывая в нелепой уверенности, что монголы Волгу не перейдут, а стало быть, княжеские земли в безопасности. Монголы и не стали переходить Волгу. Они прошли старым путем через Кавказ.

Весной следующего, года напали монголы на алан и половцев. Был убит половецкий вождь Бачман, а войска хана Котяна отступили за Дон, и приготовились к обороне.

Когда же фронтальное наступление монголов захлебнулось, они, верные своей- излюбленной тактике, чуть ослабив нажим на половцев в Предкавказье., обошли их – и двинулись на север! Начался поход на Русь, как и в первый раз, очевидно, что вели их по степи – бродники.

Монголы разбили войско князя Рязанского. В Великом княжестве Владимирском взяли четырнадцать городов. На реке Сить разбили войско князя Юрия. Взяли Торжок и Козельск... Меня в детстве мучил вопрос, который, наверное, многие задают: почему князья не и помогали

друг другу, почему они не бросались на выручку городов к которым подходили монголы. В школе нам объясняли это тем, что Русь переживала период феодальной раздробленности и князья радовались, когда во владения их соседей вторгались враги. Ну, во первых, не все соседи обязательно враждуют, бывает и союзничают. Но отгадка то в другом. И я до сих пор, боюсь в нее поверить.

А сколько вообще на Руси было городов и сколько ежегодно погибало в пожарах, от нападения степняков? На Руси в то время около 300 городов, что ежегодно горело и разорялось от 15% , то есть городов сорок – пятьдесят. А монголы разорили восемнадцать – двадцать, ну пусть сорок, пусть даже 70... Потому что многие города, высылали монголам коней и провиант – т.е. то, что они требовали и оставались целы, например, Углич, иные были разорены до монголов. Так Киев – мати городов русских, за пять лет до прохода Батые, фактически стер с лица земли черниговский князь Рюрик. Там и брат в то время, кроме Десятинной церкви, нечего. Конечно, не хотелось бы выставять приход монголов благом для Руси, но не надо на монголов, тем более, на «татар», кем на определенный период правления Золотой Орды стали именоваться все жители Руси, независимо от национальности, что называется "грузить" – то, чего они не делали. Монголы не оставляли в покоренных княжествах своих гарнизонов, а, стало быть, завоевание и покорение было достаточно номинальным, русские леса завоевателей вообще, не интересовали. Больше того, в качестве компенсации за свой набег, монголы освободили Северную Русь на двадцать лет от уплаты дани! Дело не благородстве или в раскаянии монголов, просто как пастухи они хорошо знали, хочешь носить тулуп и есть шашлык – дай барану вырасти. Так что про войну и про иго мы очень много знаем того, чего на самом деле не происходило. Кстати "иго" – ярмо (деревянная рама-хомут) для волов! Иными словами это система управления. Вот систему управления монголы действительно поменяли. Но иго никого на Руси особенно то не придавило.

Это была война степная. Вот в Степи, действительно, несколько лет лилась кровь. Батый вернулся в степь, соединился с южной армией и вытеснил значительную часть половцев – лукоморцев в Венгрию! Именно это монголы считали своей победой.

В 1239 году монголы взяли Берников. В 1240 – взяли Киев. Черные клобуки – предки Днепровских казаков, конная гвардия Киевских князей, не просто разбиты – разгромлены! На этом монгольский поход против Руси закончился. Далее, вплоть до 1242 года, монголы воевали на Кавказе, в Венгрии и в Польше, Вопреки расхожему мнению, которое объективные историки не подтверждают, Киевская Русь прекратила свое существование не по вине монголов – просто она у ж е п р о ж и л а. свое время. Ущерб, нанесенный монголами, хоть и был серьезный, но не смертельным – люди успевали уйти из селений и оставались живы. Киевская Русь стала слаба, ее добивали все. Ведь не менее страшными для Киевской Руси были и нашествия с запада, которых (причём, уже и с помощью монголов) отбились. Монголы утвердились в Великой Степи, в землях половцев. Была изгнана или разбежалась малая часть населения, большая же оставалась в своих кочевьях, туда завоеватели пришли и остались надолго. Началось время Золотой Орды.

Ордынцы

Для того, чтобы лучше понять, что же происходило в Великой Степи после прихода сюда монголов, нужно подсчитать: а сколько же их, монголов, было? Если отбросить все преувеличения летописцев, то будет ясно, что монголов было не более 20 тысяч.

Безусловно, при штурмах городов, использовали они местные народы – гнали их впереди своих войск. Но в походе, на. марше, все по тому же "конному способу" { каждый всадник монгол вел с собой, еще двух коней) большего числа всадников степь просто-напросто не выдержала бы.

Слово ..Л.Н. Гумилеву

" Большая часть победителей вернулась домой, и уже, в 1243 году, силы Батые были ничтожны. По завещанию Чингисхана, его старший сын Джучи получил четыре тысячи монгольских воинов с разрешением пополнять армию за счет населения покоренных стран. Старший сын Джучи - хана, Орда-Ичэн, имел ставку на берегах Иртыша и по закону получил одну тысячу воинов, это была Белая, то есть старшая орда. От власти Орда – Ичэн отказался. Третий сын – Шейбан – кочевал от Тюмени до Аральского моря с Синей Ордой, в его распоряжении была еще одна тысяча. На долю Батые, главы Большой или Золотой Орды, пришлось всего две тысячи: хины/ мобилизованные чжурджени/, артиллерия, то есть обслуга военных машин, и мангуты. К этому надо добавить ополчение, число коего Н.Веселовский определял, видимо, правильно – 25 тысяч. Ясно, что без верных друзей такой улус просуществовать 240 лет не мог. Кто же были сторонники ханов Золотой, Синей и Белой орды? Кипчаки"

" И все народы, населяющие Великую степь в европейской ее части", – добавляет историк А. А. Гордеев, конечно же, имея в виду- бродников, севрюков, чигов и многих других! "Будучи в абсолютном меньшинстве, – пишет Л.Н.Гумилев, Золотоордынские монголы не имели возможности создать деспотический режим. Поэтому Орда возглавляла конфедерацию местных этносов, удерживаемых в составе государства, угрозой нападения".

А далее монголов постигла участь всех завоевателей – они растворились в завоеванном народе. Это первым отметил Эль-Омар, один из самых наблюдательных путешественников того времени: "В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими овладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто одного с ними рода."

А вот что пишет свидетель покорения Приуралья монах Юлиан: "Во всех завоеванных царствах они убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других... оставляют для обработки земли... И обязывают тех людей впредь именоваться татарами." Это важнейшее свидетельство, сделанное в 1236 году, сразу разъясняет, откуда взялись "донские татары" и почему первых казаков называли "татарами" Монгольский этноним "татар" получил расширенное понимание и трактовку – им стали именовать всех: потомков хазар – бродников, чигов, севрюков, ославянненных половцев, которые сами себя называли – казаки.

Но было одно обстоятельство /об этом следует помнить особо/, которое оказалось крепче, чем навязанное монголами общее имя "татары". Большая часть степных народов связывала крепчайшая общность: они были христианами. А монголы были веротерпимы. Чингисхан заповедовал монголам "бояться всех богов"

До 1312 года никаких конфликтов в степи не было и монголов, и их ближайших потомков, сохранявших власть, не заботило какую веру исповедуют их подданные "татары", христиане они или мусульмане, или тенгрианцы. И это очень важно для понимания дальнейшего развития событий. Важно отметить и еще один важнейший исторический процесс того времени: монголы оказались великими разделителями народов. Это происходило независимо от завоевателей, приход монголов просто-напросто этот процесс обозначил и ускорил.

Киевская Русь(как называли её позднейшие историки) задолго еще до прихода монголов завоевателей состояла из множества славянских племен; кривичи, поляне, дреговичи, уличи, тиверцы, вятичи, словене, древляне... Киевская Русь объединила эти племена, отделив их от западных славян – предков поляков, чехов, словаков, лужичан... Когда Киевская Русь стала государством, в ней начался другой процесс, который в школьных учебниках истории назван "периодом Феодалной раздробленности". Киевская Русь состояла, а потом и распалась на княжества: Киевское, Владимиро-Суздальское, Галицкое, Турово-Пинское, Рязанское, Тверское... Границы и территории княжеств возникали не случайно: здесь играли свою роль и географическое положение, и экономическое развитие и, конечно же, население, которое на раз-

ных землях хотя и было, в большинстве своем, славянским, да славяне то были разные. Они смешивались с местными племенами и ко времени прихода монголов, житель Владимиро – суздальских земель сильно отличался от галичанина или волянянина, хотя оба продолжали считать себя славянами и были в этом совершенно правы. После прихода монголов, процесс разделения общности Киевской Руси принял еще одну форму: княжества, ранее входившие в Киевскую Русь, сформировали – по отношению к Золотой орде – разную политическую ориентацию.

Галичские князья и бояре равнялись на запад и начали постепенно готовить прикарпатских славян – к переходу в католичество. Когда состоялось их отделение от Киевской Руси, то возникла новая дорога, по которой пошел народ /тоже весьма неоднородный/ – м а л о р о с с ы.

Северо – восточные княжества, примут наиболее прочную ордынскую ориентацию. Эти княжества именовались Великой Русью и именно здесь, с 1380 года, будет складываться великорусский р у с с к и й этнос. Засевшие в лесах и недоступных болотах, княжества Белой и Черной Руси были независимее всех. Эти земли для азиатских завоевателей оказались недоступны. Но, тем ни менее, и там выбирать пришлось. Весьма неохотно, но стали они сотрудничать с язычниками-литвинами, это нынешние б е л о р у с ы.

Нужно понимать, конечно, что во времена Золотой Орды еще не приходится говорить о русских, об украинцах и о белорусах в современном значении этого слова. Разделение произошло, но княжества, вступившие на разные дороги, не осознавали еще своей новой общности и по-прежнему делили себя на галичан, тверичан, полочан, московитов, владимирцев, суздальцев, новгородцев... Безусловно, они признавали еще свое родство, но уже ощущали разницу. Повторяю, это было разделение, которое произошло независимо от желания монголов. Оно касалось славян. Но было разделение народов, которое монголы проводили сознательно. "Они во всех завоеванных царствах убивают князей и вельмож", заметил, монах Юлиан. Но ведь всех-то перебить невозможно, и монголов было не так-то много, да и князья сопротивлялись и разбегались. Как бы мы сейчас сказали – эмигрировали. Да и сделать это было нетрудно, потому что население степи, хотя и придерживалось определенных мест проживания, было все-таки кочевым. Уцелевшая половецкая знать откочевала, вместе со своими приближенными, в Венгрию, в Предгорья Кавказа, на места проживания немногочисленных своих соплеменников. Эта часть половцев превратилась со временем в реликт – потомки половцев-куман – кумыки.

Волжские и камские болгары /имеются в виду их вожди, вельможи, ближайшее окружение/, сбежавшие от монголов на Кавказ, образовали здесь свой народ – балкарцев. Та же история произошла, вероятно, с печенегами, черными клобуками и торками, потомками которых можно считать карачаевцев и гагаузов.

А потом проявилось и еще одно, уже упомянутое мной, обстоятельство, которое усилило разделение народов: религия. Степняки были веротерпимы всегда, а на просторах донских, днепровских, волжских степей сосуществовали самые разные религии. Ославяненный лесостепной пояс был христианским. Рядом с православными бродниками, славянами и торками уживались несториане и монофизиты – тоже христиане, но иного толка. Половцы – христиане и тенгрианцы. Болгарское Поволжье исповедовало ислам. А монголы – были склонны к религии, которую христиане называли язычеством – шаманизм. Но вот ассимилированные монголы, попавшие в новые для них природные и социальные условия, потеряли интерес к религии отцов и вскоре встал перед ними вопрос, как когда-то перед Киевской Русью и перед волжскими болгарями: какую религию выбрать?

Потомки завоевателей провели, как бы мы сейчас сказали, сравнительный анализ и – если славяне пленились когда-то красотой Византийского богослужения, то потомки монголов /они уже называли себя татарами/ выбрали блистательную религию востока Ислам. Тем более, что в Поволжье, где располагалась столица Золотой Орды – Сарай – эта религия была

господствующей. В 1312 году хан Узбек, чье имя получит позднее целый народ, /разноплеменный и этнически очень пестрый – узбеки/ повелел принять ислам всех своих подданных. Эта была попытка объединить жителей степи в единую нацию, в единый большой суперэтнос. Были и задачи попроще, например, остановить невероятную работоторговлю, которая процветала в Золотой Орде – страшное наследие государства кыпчаков, которое разрослось в новой державе до губительных размеров. Ислам запрещал торговлю единоверцами. Но для того, чтобы остановить страшный промысел нужно, чтобы все стали единоверцами, а все не стали!

Результат оказался трагическим. Впервые за всю историю Великой Степи начались здесь религиозные гонения и войны. Довольно мирный симбиоз (совместное проживание, как хазар с тюрками) пришедших в великую Степь монголов и, испокон веков живших здесь степняков, закончился. Началось то великое разделение, которое, в конечном итоге приведет всех – и вчерашних союзников, и вчерашних врагов – на Куликово поле, где в крови родится великорусская нация. Иначе говоря – современные Русские. Как ни парадоксально это звучит, но тот факт, что татары Золотой Орды приняли ислам, послужил толчком к укреплению Руси. Сотни православных половецких и татарских воинов /напоминаю, что "татарин" в то время – это еще не национальность, а принадлежность, служба монголам, по подданству/ пополнили ряды русских дружин. Аксаковы /аксак – хромой/, Алябьевы, Апраксины, Аракчеевы, Ахматовы, Бабичевы, Балашовы, Барановы, Бутурлины, Болотовы, Баташевы, Вельяминовы, Горчаковы, Годуновы, Кутузовы, Суворовы... Список займет десятки страниц. И все это – ордынцы!

Какое-то время Православие, монголами не преследовалось, эти особые права выговорил Святой, во многом именно за это прославленный, благоверный князь, один из самых великих людей не только на Руси, но и в мире, сын переяславского князя Ярослава, внук – ясыни (аланки) – Александр Невский.

Благодаря Александру Ярославичу Невскому появилась на Дону православная епархия. Даже хан Узбек, занятый обращением в ислам Золотой Орды, отчасти, подтвердил привилегии и неприкосновенность Православной церкви. Тогда православные ордынцы и язычники толпами повалили на Дон, в степные земли, где за воинскую службу Золотой Орде полагалась религиозная неприкосновенность.

Ах, так вот откуда взялись "законные" казаки, казачье сословие?!

Ничего подобного. Рано. Это еще не сословие, а только одна привилегия. Казаки получают сословный статут позднее. Станут "беломестными" то есть "обеленными за службу от податей" дворянами и "одиндворцами" чем то вроде мелкой шляхты в Московском царстве. Это сословие упразднит Екатерина II за ненужностью их пограничной службы. Поскольку граница от Белгорода – (целого "обеленного" города) передвинется далеко на юг, в Приазовье и Причерноморье. Степь, против которой, собственно, и была построена оборонительная линия Елец – Курск – Белгород, станет внутренней российской территорией, вместе с населением. Но об этом речь впереди. Вернемся в XIV век.

Скорее всего, к началу исламизации степняки уже именовали себя казаками. Кандидат исторических наук В. Сафронов говорит еще определеннее «Слово «казак» или, как писали в старину, «козак» – тюркского происхождения. В основе его лежит корень «каза», имеющий двоякий смысл: 1) напасть, гибель, урон, утрата, лишение чего-либо; 2) беда, бедствие, несчастье, злосудие, стихийное бедствие. Казаками у тюркских народов называли людей, отставших от Орды, обособившихся, ведущих свое хозяйство отдельно. Но постепенно так стали звать и опасных людей, промышлявших разбоем, грабивших соплеменников. Тот факт, что понятие «казачество» зародилось у тюркских народов, может быть подтвержден материалами источников».

Историк Гордеев считает, что еще раньше среди Лукоморцев – половцев уже было целое племя, которое именовало себя казаки. Они населяли верховья и окрестности Дона, но этнически были неоднородны. Как я уже неоднократно говорил, были это бродники, черкасы,

севрюки, чиги, ясы, бургасы, потомки славян – вятичей, кыпчаков – половцев, и, возможно, потомки таких древнейших народов, имена которых уже начисто забылись. Это, в основном, тюрки, с большими вкраплениями угров и кое-где славян. Но у всех одна религия – Православие. Она их объединяла между собой, и отделяла от остальных ордынцев, которые все чаще осознавали себя другой этнической общностью – татарами мусульманами. И казаки осознают себя единым целым, несмотря на то, что в повседневной жизни, в домашнем быту продолжают говорить, скорее всего на своих старых родовых языках. Государственный же язык у всех у них один – татарский!... Но постороннему наблюдателю, тех времен, трудно отличить степного татарина от степного казака. Этому способствовала особая роль, которая отводилась казакам в Золотой Орде.

Казаки на ордынской службе

Огромная территория, которая управлялась из Сарая-Берке, столицы Золотой Орды позволяла отдельным районам жить довольно самостоятельно. Возникали некие "п р е д г о с у д а р с т в а". К таким "предгосударствам" можно отнести земли д о н с к и х и м а л о р о с с и й с к и х казаков и других казачьих поселений – казаков Яицких, Терских и Волжских.

Можно ли считать казачьи поселения республиками? Нет. Хотя, как это ни удивительно, в поселениях "пра казаков" и потом в станицах политическая жизнь была организована по принципам древне-греческих городов государств. Полисов. Как сохранились в степи воспоминания об античных городах, как передали свои знания другим народам греческие федераты – загадка. А может просто совпало? Вернее всего, будет сказать, что обособленные и от Орды и других княжеств, казаки сохраняли остатки р о д о – п л е м е н н о й д е м о к р а т и и.

Ошибочно считать основой этого устройства войсковой принцип. Не войсковая служба Орде, Москве, Польше породила казачество, а наоборот – остатки родоплеменного строя позволяли использовать казаков в войсковых частях. Кочевое скотоводство давало возможность высвобождать часть мужчин /в отличии от селений земледельческих, где свободных рук никогда нет!/ для поиска пастбищ, защиты стад и кочевий. Они-то и использовались в качестве наемных войск.

Входя в состав коренной территории Золотой Орды, казачье земли, имели относительную автономию, что выражалось /до поры, до времени/ в полной свободе вероисповедания, сохранении своего социального устройства края, в экономической независимости. Не платили казаки монголам дани. С кочевников вообще собирать дань сложно. Это понимали и в Сарае. Скажем, приезжают к кочевника сборщики податей, а они, мгновенно, разбегаются по степи – кочевать-то дело привычное! Так и возникла у казаков одна – единственная форма государственной повинностей – воинская. А именно она больше всего и была нужна Золотой Орде.

Воинскую службу казаки несли охотно. Она позволяла им сохранять с Ордой союзнические отношения. Монголы и их потомки нуждались в войсках всегда. Нуждались в ней и казаки, Они, в союзе с татарами уже не чувствовали себя одиноками перед Турецкой, Персидской, Польско-Литовской или Московской опасностью. Была и прямая выгода: казаки принимали участие в дележе добычи. Чувствуя свою независимость /относительную, конечно/, казаки заключали союзнические договоры не только с Ордой, но и с русскими князьями, с Польшей, с Литвой..."

Основа договоров та же: приглашались отдельные войсковые подразделения-орды (по тюрки – порядок) на службу к тому или иному князю или государству Так, вероятно, и возникали – "рязанские казаки", "белгородские", "московская служилая орда" и др. А поскольку национальный состав казаков неоднородный, то у современников возникало впечатление, что "татары пришли". Собственно, для степняков, ничего пока не изменилось: и столетие назад, точно так же приглашали их предков на воинскую службу князья: киевские, суздальские, поляки, литовцы. Иное дело, что теперь казаки сами начинают осознавать свое отличие и от татар, с кем их теперь, разделяет религия, и от литвинов, и от поляков. Они ощущают свою

собственную национальную принадлежность к новой общности, к казакам. В большей степени это относится к Донским и Днепровским казакам, в меньшей – к Яицким, Терским. Те как жили родами племенами и ордами, так и продолжали жить. Но постоянное взаимодействие, постоянная готовность прийти друг другу, на выручку при столкновении с противником, кем бы он не был, в том числе и с монголами, у казаков всех областей осталось и укрепилось. Как говорится: казак – он и в Африке – казак!

Историк А.А. Гордеев, который внимательно анализировал этот период жизни казачества, предлагает свою концепцию возникновения казачьих войск. Он считал, что, все дело в "полонах." "Полоны" – это отряды молодых мужчин, которые не умеют, не приучены воевать, и которых пригоняли из славянских княжеств и поселяли среди казаков единоверцев, чтобы те учили их искусству войны. Поскольку "полонов" было великое множество, то, считает Гордеев, в новом населении растворились бывшие самобытные черты половцев, бродников, черкасов... А из этого нового сообщества, теперь уже как бы сословия, образовалось казачье войско, откуда монголо-татары набирали службу для переправ, охраны дорог и ямской гоньбы.

Суждения у А.А. Гордеева интересны и кое в чём, пожалуй, справедливы, но многое рассыпается от первого критического взгляда. Например: татары учредили уникальную по тем временам почту и службу на дорогах, ямскую гоньбу, но служили в ней не казаки, а ямщики. Они долго, в плоть до упразднения ямской службы, в России оставались обособленным сословием, но считали себя русскими, татарами, чувашами и т.д. А казаки упорно твердили, что они – народ.

Что же касается "обрусения" степняков, по влиянием ассимиляции с полонями, то эта проблема много сложнее, а процесс более длительный...

Итак, на дворе XIV век. Непокойно в Золотой Орде. Религиозная реформа хана Узбека - обращение языческих орд в мусульманство – вылилась в тяжелейшую многолетнюю войну. Принятию ислама в Великой степи сопротивлялись многие, причем, если в Золото Орде -это вызвало сравнительно небольшие хотя и кровавые столкновения от в Белой Орде и в Синей Орде война была затяжной и кровопролитной, да ислам тамошние жители приняли формально.

Казаки – ордынцы, а этого времени уже можно их так называть, следили происходящими событиями с большим опасением. К тому же и среди казаков тоже" произошло разделение: днепровские казаки /"козаки", так именовали их поляки/ стали в оппозицию и к татарам и к их центру в Крыму, приняв сторону Европы и, в частности, Польско-литовского королевства.

Донские казаки оказались в очень сложном, почти безысходном положении. Географически они были в самом центре Орды, а Орда стала исламской. Крепнущее Московское государство, добиваясь независимости от Орды вело, непонятную для казаков политику: то сотрудничало с Ордой, то конфликтовало. Жернов Орды и жернов Москвы все чаще возвращались не согласованно, а между жерновами оказывались южные русские княжества, в частности, Рязанское и казаки.

Теперь Орда налагала на казаков уже не союзнические обязательства, а повинность. Союзнические отношения с Ордой становятся все опаснее: бесчисленные "полоны" идут через казачьи земли, чтобы после военной подготовки, пополнять татарские войска в Китае и Средней Азии. Великая Империя Чингисхана трещит по швам, нужно много войск, чтобы сдерживать центростремительные силы разарывающие державу чингизидов. Из "полонов" "терялись" беглецы-дезертиры, оставались среди казаков. Они тяготели к Руси, а Русь спланивалась вокруг Москвы, судьба этих несчастных не могла, не затронуть сердца казаков, которые сочувствовали и помогали своим единоверцам против теперь уже исламской Золотой Орды.

Значительный казачий корпус был переселен чингизидами на Яик: в его задачу входило разъединение враждующих Белой и Синей Орды. К этому казаки отнеслись спокойно. Чтобы понять пространственное мышление казака – ордынца, нужно поставить себя в центр степи

между Днепром и Уралом: поскольку всю эту территорию казаки и раньше и потом считали своей. Переселение на Урал было простым переходом с одной границы – Московской, на другую – Ордынскую. А потом на Дону началось такое, что казаки всё чаще и чаще жались к русским границам к русским княжествам.

В 1341 году умер хан Узбек, правление которого сопровождалось непрерывной резней. Сколь безжалостна она была свидетельствует "традиция": всякий хан, входящий во власть, тут же вырезал всех своих родных братьев. Так хан Джанибек перерезал всех близких хана Узбека. Самого Джанибека убил его собственный сын Бардибек, которого в свою очередь убил Кульпа. После этого и пошла жуткая резня, которую называли "татарской замятней". Ханы сидели на престоле по несколько месяцев, по несколько недель и даже всего-навсего по несколько дней. И всякий последующий вырезал всех сторонников предыдущего.

Во всей этой круговерти, произошли решающее для Орды- события. В 1367 году от Орды отделилась Камская Болгария /нынешний Татарстан/. А в семидесятые годы вся Орда распалась на семь улусов: крупнейшее – царство Мамай между Доном и Днепром, тут же вступившее в войну "литвинами", среди которых чуть ли не половину составляли "козаки". Часть степняков, не признавая власть Орды, продолжала оставаться на родине. Держались, относительно, независимо станицы казаков на Яике. Ушли в горы за Терек Гребенские казаки.

Жили казаки и в Азове. Управлял ими избранный «шаарбаш» – (тюркс. курбаш?). Десятую часть общины составляли славяне, было несколько армян, остальные – татары-половцы. Они отличались от владевших двести лет Азовом венецианцев, генуэзцев, а затем турок не только храбростью, но и Православной верой. Когда турки изгнали их из Азова в донские степи, то скоро почувствовали, что обрели непримиримых и сильных врагов. Вольные станицы, в которые объединялись степняки, не признававшие ничьей власти, беспокоили и Московскую Русь – вассала Золотой Орды своими набегами, они же нанесли последние удары и по самой Золотой Орде. В Причерноморье пришел к власти темник Мамай. Не чингизид. В Средней Азии с 1370 года; начал править Тамерлан, наконец, еще одна беда – в степь пришла чума.

Кто же были эти люди, называвшиеся ордынскими казаками? Потомки болгар, половцев, бродников и других степняков, веками живших в Диком поле. Так, и про крымского хана Джанибека пишут, что он был не монгол, а простой казак. Сын побитого на Куликовом поле хана Мамай – казак Мамай стал героем украинского фольклора, и его изображение можно видеть на народных украинских картинках. Русские летописцы путаются в понятиях, называя степняков то казаками, то татарами.

Страшный удар по степнякам-ордынцам, независимо от того, служили они Орде или враждовали с ней, нанес в 1395 году Тамерлан, вторгшийся в донские степи. Казаки в составе своих отрядов-орд приходили на защиту русских городов, где их называли по месту службы – «путивльские», «рыльские», «рязанские».

Но при этом они сохраняли свои родовые кочевья в степи – «ухожаи». Живя в русских городах, вчерашние «татары» казаки пользовались новым государственным языком – русским, но в семьях продолжали говорить по-тюркски.

Значительную часть служилых казаков составляли мещерские «татары», казанцы называли их «мишари» или «можары», а сами себя они, вероятно, называли каким-то словом, близким к слову «мадьары», поскольку, вероятно, были родственны жившим в Заволжье со времен гуннов – венграм.

После окончательного распада Золотоордынского ханства городские казачьи орды, или, как перевели это слово на Руси, «войска», возвращались в «Старое поле» в свои родовые городки: Манычский (тюрк. Горький), Богаевский (тюрк. Бычий), Бесергеновский («низовые пастбищные земли для откорма скота»), Мелиховский (Прекрасный), Бабей, Каргалы, Кумшак, Цымла, Курман. Даже, казалось бы, славянское название Раздоры переводится, как «драчливый гнедой».

Нижний Дон и Днепр заселяли выходцы с хазарского Кавказа – черкасы. Сигизмунд Герберштейн пишет о них как об исключительно дерзких мореходах христианской веры, молившихся по-славянски.

XVI —XVII век Акустий (тюрк, длинный, как жердь) Черкас основал Черкассы на Днепре, а одного из первых донских атаманов звали Миша Черкашенин – Быкадор (гнедой тур). Первые зафиксированные в русских документах городки ставит на Дону в 1549 году не то атаман Сары-Азман, не то казаки «сары азманы» (сары – половцы, азман – смесь).

Взаимоотношения степняков и крепнущего Московского государства отражают прежде всего государственные, политические и военные связи казачества и России, а не национальный состав степняков. Документы не делят их на коренных и новопоселенцев, как это делает степная традиция, но отмечают различия в отношении к государству и государственной службе. Согласно этому, казаки делились на четыре неравные группы. Первую составляли вольные казаки – коренные степняки, о которых известно, что жили они в степи и время от времени нанимались на службу станицами или ордами. Скорее всего, это и было реликтовое тюркское (с многочисленными национальными вкраплениями иных народов) население. Таких казаков называли служилыми.

Служилых казаков требовалось много. Поэтому в служилое сословие набирались «люди всяких званий» и, надо полагать, разных национальностей и вероисповеданий. Единственное требование – «исправность», то есть, годность к несению службы со своим конем и боевым снаряжением. Собственно, для поддержания боеготовности и выделялись земельные наделы и крестьяне. Если служилый казак разорялся и при очередном «перебирании людишек», то есть на смотру, не мог соответствовать воинским требованиям, его «из разряда вычищали» и он превращался в казака гулящего. Гулящим мог быть казак, находившийся в ожидании службы или, самовольно, с ватагой пошедший в набег на иные земли. Он мог уйти в степи и снова вольным.

Разряд гулящих казаков пополнялся воинским людом, приходившим на границу в поисках воинской службы. Это мелкопоместные дворяне, боевые холопы и иного звания люди, кого не спрашивали о роде-племени и вере, но от них, безусловно, требовали воинского мастерства. Часто коренные степняки и их боевые товарищи, выйдя из служилого сословия, или по распоряжению воевод уходили далеко в степь. Многие оставались там до конца жизни, женились на местных женщинах и обзаводились семьей и хозяйством. Косвенным доказательством этому служит отношение к женщине в казачьих семьях, где она была полноправной хозяйкой, а муж, хотя и почитался, но пребывал на положении гостя, и то, как называли детей от смешанных браков казаков с местными женщинами – «болдыри» (искажен, тюрк, болг-ир – мальчик, сын болгарки-татарки), и то, что в каждой станице наиболее старая часть называется авул или култук.

Особое место в русской истории занимают казаки воровские. Как понятие «гулящий» (вспомните: «поле гуляет под парами»), так и понятие «вор» означало не уголовного, а государственного преступника: «умышлявшего воровство противу государя». Безусловно, среди них было большое число и татей, и разбойников, и шишей...

Степь, постоянно полыхавшая войнами, выжигала в бесконечных боях все, что исторгала из своих недр новорожденная Россия, но и сама сильно менялась в этом непрерывном огне. Так, если в XV —XVI веках историки того времени не делают разницы между донскими служилыми татарами и казаками, то в XVII веке казаки – это люди православной веры. И теперь о тюркском элементе в их среде говорят как о реликтовом вкраплении, имея в виду прежде всего мусульманское население Дона, Днепра и Прикаспия, сохранившееся здесь в очень малом числе.

Славянские страницы

Вот и добрались мы в рассказе о казачьих предках до славян, чья кровь обязательно течет в жилах каждого казака.

– Сколько ее?

– А это не важно!

От древних хазар в современном языке осталось одно только слово – название крепости Саркел, что по-славянски Белая Вежа. Вот столько, наверное, в нынешних казаках тюрко-хазарской крови. Одна капля. Половецкой, тюркской – побольше. Очень легко сравнивать "нашу кровь" с языком. Сколько тюркско-половецких слов – столько, пожалуй, и антропологического наследия: в разрезе глаз, в цвете волос...

Татары... С ними совсем сложно. Потому что первоначально это подданство, а не национальная принадлежность. Татарами называли – и крошечные остатки племени, включенного в империю Чингисхана, пришедшее с войском из монгольских степей, и сотни других народов, которые, по-родству, не имели к ним никакого отношения. Позже, татарами называли, и достаточно долго, в том числе, и казаков.

Есть и более древние народы, которые тоже внесли свой вклад в антропологию современных казаков – болгары – предки и балкарцев, и казанских татар, и казаков. Степное племя, потомки которого живут ныне на Волге и именуют себя чувашами и мордвой, а когда-то их предки кочевали по степям и, возможно, объединялись в загадочный племенной союз буртасов /сыновей асов/.

Народы приходят и уходят – люди остаются. Живет человечество! Хотя сегодня на планете нет ни одного хазарина, ни одного половца. И если современные татары сохранили древнее название, то оно говорит только об исторических связях, поскольку казанский татарин в большей степени потомок поволжских угро – финнов, булгар – тюрков, а не их смертельных врагов – монголов. Иное дело культура.

Вливаясь в новый ландшафт, народы не только ассимилируют местные племена, но и сами меняются, и более всего меняются под влиянием местных условий – нового для них ландшафта и культуры. Бывшие горцы становятся, через несколько поколений, степняками, жители лесов – поморянами. Они наследуют всю местную культуру или, по крайней мере, основные черты тех культур, что существовали до них в этом географическом районе, прибавляя к ним свою.

Казаки многое унаследовали из культуры скифов, (о которых, скорее всего, никогда и не слышали), и тех народов, что кочевали до них по Великой степи. Даже, если это была не прямая передача – где скифы и где казаки – меж ними тысячелетие, но степь, степной ландшафт определяет приёмы хозяйствования, а они сходны у всех степняков от Дуная до Моголии включительно. Поэтому можно найти сходные черты у венгров, живущих в Пуште и ойратов в монгольских степях, живущих за тысячи верст друг от друга.

Много из накопленного половцами усвоили и пришедшие в степь славяне. Современный казак, говорящий по-русски, /а это славянский язык/, считающий себя славянином /и в этом он тоже прав/, сам того не замечая, несет в своей повседневной жизни многие черты хазарской, аланской, болгарской, половецкой, наверняка, татарской и скифской культуры, поскольку живет там, где жили они, и переселившись в новый район, унесет с собой весь культурный багаж в новые места. На новом месте, что-то забудет, чем-то обогатится, поскольку попадет в новые географические и, если хотите, антропологические /соседи-то другие!/ условия. Так вот. Ныне в Донских, Причерноморских, Прикаспийских степях преобладает культура славянская. О славянской культуре мы и будем говорить. Во-первых, потому что эта культура наиболее поздняя. Во-вторых, приход славян в степи означал переход к новой системе хозяйствования – к земледелию. А сейчас именно земледелие – основное занятие в степи.

По археологическим данным, первые славяне появились в верховьях Дона во второй половине или в конце VII века. Это вятичи. Они пришли с верховьев Оки. В те время здесь

помещалась крайняя юго-восточная граница расселения славян. Но вскоре славян выбили из степи тюрки – хазары и печенеги. Произошло это к концу X века, .

Второе заселение, вернее, вторая попытка проникновения славян в Великую степь – походы Киевских князей на Хазарский каганат и образование Тьмутараканского княжества князя Изяслава. Теперь славяне поселились на Нижнем Дону. Но и здесь просуществовали недолго – их смыло половецкое нашествие в XII веке.

Как только степь, хотя бы ненадолго, затихала, как только положение в ней хоть чуть-чуть стабилизировалось, так славяне брались за свое – за упорное освоение степных черноземов. Всё те же вятичи опять появились на Верхнем Дону в первой половине XII века, и опять с Оки. Но теперь уж и совсем ненадолго. Третья волна славян в Великой степи либо погибла, либо отошла в леса в год 1232, когда в степь пришли монголы Батыя. И только четвертая попытка привела к стойкому заселению славянами донских земель. Произошло это в период распада Золотой Орды. Двигались славяне, как и прежде мимо Червленого яра в верховья Дона.

Что же влекло славян в степи, полные опасности? Земля! Знаменитые донские черноземы!

Переход славян от лесостепной зоны к степной не был резким. не так, как в хорошо памятные нам пятидесятые годы, когда у всех у нас на глазах формировались комсомольско-молодежные поезда и парень из псковской лесной деревни вдруг оказывался в казахской целинной степи. Славяне двигались медленно, заселяя сначала лесостепную зону, а затем, двигаясь, все дальше и дальше на юг, не вслед за песнями о вольной жизни и призрачной свободой, а за бороздой, куда они бросали семена жита, и, в случае влажного лета, получали невиданные урожаи.

Если в XII – XIII столетиях степняки всеми силами старались вытеснить пахарей из степи – и это было одной из причин вражды, скажем, бродников и черниговских князей, то в XV – ХП веках никаких конфликтов уже не происходило. По следам славян-вятичей, в степь, сильно опустевшую после "великой замятии" пришли рязанцы. Более того, прежние хозяева степей, казаки, (в основном, по крови – тюрки), откочевавшие на север, запад и юг, будут возвращаться либо одновременно со славянами, либо даже позже их. И они, как и пахари – рязанцы (потомки славян вятичей), будут считать себя русскими. То есть: при всех особенностях мировоззрения и быта, психологии и культуры, все они будут осознавать себя частью Русского Мира, поскольку главную роль в их самосознании будет играть П р а в о с л а в и е. Православный, значит, русский!

Общность религии, общность языка сгладят ту разницу, которая существовала между казаками и крестьянами, прежде – соседями по лесостепной зоне.

Дальше на юг русские и украинские крестьяне станут проникать только тогда, когда пойдет глубокое освоение черноземного пояса / в XVIII веке./ Причем, поселяясь в станицах, они останутся "Иногородними мужиками", в том числе и крепостными у донских казаков – помещиков. Бунтами и массовым бегством будут отвечать на малейшую попытку властей поверстать их в казаки – т.е. обратить в служилое войсковое состояние.

А казаки, вернувшиеся на Дон из Турции, Предкавказья или из других мест, если и будут переезжать на север, во владение Московского государя, то селиться станут только в городах, выполняя городовую воинскую службу. Либо будут получать за службу "земельный оклад", и становится беломестными казаками – дворянами – однодворцами, пополняя собой население юга Российского государства, и уже больше никогда не вернутся на земли предков. Через два-три поколения уход с Дона заставлял забыть их о своем степном, возможно, тюркском, кочевом и охотничьем прошлом.

Тем временем, пахари – потомки славян – неуклонно, хоть и постепенно, все шли и шли на юг, в степи, постепенно ассимилируясь с местным, отчасти еще и неславянским населением. Все равно, преобладающей культурой в степи становится культура славянская, правда, обога-

ценная многими чертами культуры степной (во многом тюркской), и тюркское казачье население в славянском – размывается. Разницу между соседями составляют уже не этнические, а социальные особенности.

Так, после восстания Булавина в 1707 году и после старательного уничтожения "сарыни", среди которого вероятно еще сильны были следы древнейшего реликтового населения на Верхнем Дону, треть территории, составлявшую когда-то "Землю Войска Донского", или "Казачий присуд" уходит в Российские губернии: в Саратовскую, Воронежскую, и отчасти, Тамбовскую. Нынешние жители этих мест смутно помнят, что "не то здесь раньше жили казаки, не то мы сами из казаков...", да останутся кое где старые топонимы.

Казаки городков Сиротина и Гребнева преподнесли князю Дмитрию икону Божьей Матери «Донскую» и дрались с ним бок о бок на Куликовом поле 8 августа 1380 году. Часть казаков, которая была в войсках Мамай, влилась в другие народы, причем, на Украине сохранилась даже фамилия Мамай. А "козак Мамай" – сын побежденного хана, стал персонажем украинского фольклора. Днепровские казаки, к которым он принадлежал, влились в малороссы, какая-то их малая часть растворилась в польском и белорусском народах, в крымских татарах и даже в турках и персах, в последних случаях, утратив, конечно, прежнее и национальное самосознание, и национальную культуру, если не сохранили Православную веру. Вот почему мы будем говорить о казаках, как о субэтнотипе, то есть, как о "народе в народе". О казаках, в основном, как о части нынешних русских и неотъемлемой части Русского Мира.

Первые казачьи поселения и хозяйство

Вопреки первым сообщениям о казаках Великой Степи, где говорилось, что жили казаки набегами и разбоем, вряд ли это соответствовало действительности.

Даже выходцы из русских земель, уходившие "на украины казаковать", жили в степи годами, значит, кормила их степь. Значит, кроме редкой, хотя и ценной военной добычи, (которую нужно не только добыть, но и продать! Кому? Золото, меха, ковры и рабов есть не будешь!) основу жизни в Степи определяло хозяйство, а не война.

Известно, что до 18 века казаки земли не пахали и хлеба не сеяли. Кормила степняков охота и рыболовство. По обилию дичи и всевозможного зверья тогдашнюю степь можно сравнить с африканской саванной, которая еще кое – где в заповедниках сохранилась. Охота тогда была гораздо выгоднее скотоводства. На изменение хозяйствования повлияло изменение климата, который стал суше, и умножение населения в степи, что и привело к истощению ее фауны.

В XV веке, когда из Московского государства "гуляющие люди стали бегать за засечные линии" и принесли о ней первые известия, край здесь был удивительно богатым. Местное население, которое никогда не исчезало, прекрасно умело пользоваться всеми природными ресурсами.

Здесь обитали многочисленные стада туров – предков коров, табуны диких лошадей – тарпанов, сайгаки "шли тучами", причем всегда одной и той же дорогой, так что охота на них была сезонной. Казаки были умелыми охотниками. Когда они наладили поставку дичи в русские города то, как сообщали современники, мяса привозили столько, что стоимость его оценивалась не на вес, а на глаз – возами. Способов охоты было великое множество, но самыми распространенными были два: ловы – промысел зверя капканами сетями и ловушками, и загонный, когда дичь окружалась охотниками или гналась в сторону стрелков, чаще всего в конном строю. Так охотились на крупных животных .

Казаки, привозили в русские города или продавали перекупщикам у себя в городках, в основном, пушнину и ценную рыбу. Выше всего ценился мех донских бобров, выхухоли, лисиц и других пушных зверей. С низовьев Дона и берегов Каспия везли осетров, белугу и бочонки с черной икрой. Дон и Урал и до сегодняшнего дня остаются самыми рыбными реками Европы. Казаки, усвоили все приемы рыбной ловли и охоты, веками накопленные в здешних местах степными народами. Орудия, которыми они пользовались и пользуются для рыбной ловли,

находят в древнейших могильниках – это бесчисленные ловчие корзины, сети, всевозможные багры, остроги и иные снасти.

Особенностью охоты и рыбной ловли на берегах Дона, Хопра, Днепра, Терека, Сулака, Урала было то, что казаки, (а до того их предки: бродники, половцы, хазары) охотились и ловили рыбу промысловыми ватагами, коллективно. Промысловая артель была дисциплинирована, в ней строго распределялись обязанности, справедливо, по предварительному уговору, делилась добыча. Именно на рыбных промыслах и на загонной охоте отрабатывались основы казачьего воинского мастерства. Как это принято у охотничьих народов, казаки тщательнейшим образом оберегали места нереста рыбы, строго регулировали число зверя, чтобы не истощить природные запасы. Отголоски этих древних времен можно отыскать в том, как казаки относятся к своим родовым рекам, которым и до сих пор молятся, оборотятся к ним лицом, как к церковному алтарю, а иногда стоя по колено в воде.

Именно здесь, по берегам рек- кормилиц и возникали, может быть на местах древних городищ ушедших народов, первые казачьи поселения и городки. В названиях которых слышатся, не всегда понятных потомкам, древние понятия : “Чиганаки” – (тюрск.) свайный поселок, поселение на воде, “будун” – тюрк. – глинобитное строение, отсюда в украинском языке слова будынок – дом, и будуваты – строить. Будуны ставились в степи в местах сезонного прохода стад – это древние охотничьи промысловые станы.

Кроме охоты, в казачьих поселениях, в основном, на Кавказе, разводился виноград и готовилось вино. И хоть казаки не занимались хлебопашеством – огороды сажали. Именно оттуда, из половецкой степи, которую иногда еще по старой привычке называют Диким полем, принесены на Русь почти все бахчевые культуры – потому они и называются по – половецки: гарбуз – тыква, кабак -дыня, кабачок, ковун – арбуз

Городок, станица, хутор...

Городок это – укрепление. С XVI века упоминаются в документах казачьи городки на Дону, на Тереке. Строились они, как правило на островах. Таким старинным казачьим городком была поставленная на острове Хортица на Днепре Запорожская Сечь, где при раскопках найдены еще языческие идола, такая же крепостица была на острове Токмак. Городком-укреплением был Черкасск, Кагальник, Качалин, Казарин, Раздоры и десятки других на Дону, Терки на Тереке, Яицкий городок на Урале. Все это были окруженные со всех сторон водою или болотами крепости. Были они деревянными, со стенами из срубов, набитых землей, поставленными на валы, с частоколом для стрелков перед валами. Вот по этим изгородям, сооруженным из заостренных бревен, и получали крепости название – острог. Точно такие же остроги, как строились на Дону и Яике, ставили казаки в Сибири от Урала до Тихого океана.

Каждый городок имел свои боевые особенности: над стенами поднимались башни, на раскатах стояли пушки, перед деревянными стенами были турлучные укрепления (плетневые, будто корзины, стены, засыпанные землей), множество «волчьих ям» и других ловушек подстерегали врага по пути к городку. Это было серьезное укрепление, в котором можно переждать осаду значительного отряда. В городках жили гарнизоны, отсюда уходили в походы, оставляя для защиты городков третью часть бойцов.

«Все сии обитатели городков считали себя одно-земляками, охотно одни других защищали от внешних врагов; но каждый городок имел отдельный удел земли, и межевались или границы полагали только в луговых местах, то есть, при самой реке Дон и которые весняною водою покрывались; в степях же, или как они называли, в нагорных полях (которое слово и доньне некоторые употребляют), не имели границ, но считали их общественными, и вольно было, где хотел, заводить хутора-зимовники, но таковых долго совсем не было, и уже гораздо позже оные начались. Сии первые жители упражнялись в земледелии, да и скотоводства не имели большого, а более любили звериную охоту и рыболовство – чем и снискивали свое пропитание и довольствие. Они не искали богатства и малым оставались довольны. Общие их,

сколько мне сделалось известно, права или законы были: считать себя за один народ, одному селению другого не обижать, за межу одни к другим – для сенокосения, распашек, пастьбы скота, рыболовства и ловли диких зверей – не переходить, но хищных зверей вольно было (бить), где кто увидит и пожелает». А. К. Денисов Записки донского атамана Денисова.

Куда же исчезли городки? Их старательно уничтожали враги казачества, но они поднимались вновь, победило их время и ...станицы. Первоначально станица это не населенный пункт, это родоплеменное или товарищеское объединение семей, родов или даже племен. «Слетались птицы, стада, станицы...» поется в одной старинной песне. Существовали «зимовые» и «легковые» станицы, которые посылались к царю с дипломатическими поручениями. Были в таких станицах атаманы и послы с охраной. Боевые или охотничьи отряды тоже назывались иногда станицами. Станицы, где, вероятно, были родственники и семьи казаков, кочевали под защитой городка. В случае опасности либо скрываясь за его стенами, либо откочевывая как можно дальше, пока городок держал оборону. Территория, принадлежавшая станице именовалась юртом. С годами станицы разрастались и все чаще останавливались у городков, то есть превращались как бы в посад городка. Постепенно, городки были поглощены станицами, или брошены, а все население переселилось в «укоренившуюся станицу». Так скажем станица Преображенская возникла в юрте Казарина – городка, а старый Казарин превратился в хутор в пяти километрах от современной станицы.

Станицы переняли от городков все внутреннее устройство: в центре – площадь – майдан, в восточной его части – церковь или собор, напротив через площадь атаманское правление, прежде эту площадь как в городке окружали арсеналы, кузницы, оружейные, амбары, ссыпки для зерна. Рядом с майданом по краю обязательно тянулись коновязи, где ставили коней, собиравшиеся по тревоге-сплоху, казаки. Со временем, боевое назначение майдана сменилось на торговое и на широком пространстве, между церковью и правлением, шумели знаменитые ярмарки, а вокруг него появились гимназии, магазины и даже театр...

Станицы и возникнув-то, как городки, постепенно, в города превращались. Население станиц увеличивалось. Часть казаков, получив земельные наделы далеко от станиц, переселялась на хутора. Традиционно, как память о кочевом прошлом сохранилась в том, что находившиеся на юртовых станичных землях хутора относились к станице. Считалось, что существует некоторая подчиненность хутора станице и станичный атаман главнее хуторского, но на самом деле все было не так просто. И часто хутор – наследник городка, бывал старше станицы, а ежели хуторской атаман возрастом и наградами превосходил станичного, так станичный к нему обязан был первым почтительно обращаться. Кроме того, в соответствии с законами гостеприимства, которые распространялись, прежде всего, на гостей, хуторской атаман был у себя в хуторе полным хозяином, и ему в его хуторе первым должен отдавать честь или выказывать уважение иным способом любой приезжий, даже если, избранный хуторским обществом, атаман – простой казак, а приезжий – генерал.

Слово историка

«В древности и в средневековье Донская земля была населена различными народами, имевшими поселения на ее территории. Начиная со времени Великого переселения народов ее заселяли, по преимуществу, тюркские народы. Эти народы закладывали традиции жизни в крае, многие из которых были восприняты донскими казаками. В XVI в. азовские татары приняли участие в формировании донского казачества.....

.....Предшественники донского казачества (Русско – татарско – мордовское население Рязанской земли и Мещеры, русско-украинское население Северщины) с конца XV – начала XVI в. прокладывали пути на Донскую землю, используя ее главные реки Дон и Северский Донец. При этом они использовали более благоприятные, чем ранее, условия проникновения на Дон, связанные с ослаблением, а затем – с ликвидацией Золотой Орды.

Первые сведения о донских казаках, как о постоянном населении на Дону, относятся ко второй трети XV в. Точных сведений о месте расположения их поселений нет, но можно предполагать, что располагались они вблизи Азова, у Волго-Донской Переволоки и по притокам Дона – Медведице и Северскому Донцу. Казачество было немногочисленным и постоянно перемещалось по Дикому Полю, переходя с Дона на Волгу и на другие казачьи реки. Однако, Дон постепенно становился центром казачества. В послеопричный период происходил рост рядов донского казачества, вызванный усилением бегства на Дон из внутренних уездов страны. Среди казачества гораздо более значительной, чем ранее, становится прослойка русских людей и выходцев из социальных низов России, хотя среди атаманов по-прежнему было немало дворян. К 80-м годам сложилась цепь казачьих городков по Дону, состоявшая в 90-х годах из более чем 30 поселений. Всего к концу XVI - началу XVII в. насчитывалось около 8-10 тысяч казаков,....

Значительный рост казачьего населения происходил на Дону в третьей четверти XVII в., когда после Соборного уложения усилился приток беглых. (Церковный раскол. Б.А.) В начале 60-х годов на Дону насчитывалось примерно 20 тысяч казаков, причем увеличение их численности продолжалось. Всего к концу третьей четверти XVIII в. на Донской земле насчитывалось около 100 городков. Сложилась цепь городков по Дону (приблизительно 51), Хопру (26), Медведице (15). Заселение Северского Донца, по существу, только начиналось.

В XVII в. ряды донского казачества пополнялись главным образом за счет выходцев из России. Преобладали выходцы из низов русского общества и из мелких служилых людей. В этническом отношении преобладали казаки русского происхождения. Постоянно жили запорожцы, особенно в нижних городках. Кроме русских и украинцев, среди казаков было немало татар и ногаев. С середины XVII в. началось проникновение на Дон калмыков.

Заметное развитие получила у донских казаков семейная жизнь. Женами казаков были как русские женщины-казачки, так и мусульманки, в т.ч. пленницы, положение которых напоминало положение рабынь. В связи с развитием на Дону семейной жизни стали появляться потомственные казаки». Н.А. Мининков

Казачий Домострой

«Где бы мы не были, мы крепко держимся наших казачьих обыкновений. Поэтому нас можно истребить, уничтожить, но победить нас, изменить – нельзя...

Пока в наших жилах течет казачья кровь, никакая революция, никакой коммунизм, никакие гонения и лишения не изменят нашей духовной сущности, не изменят наш вольный свободный дух, не вырвут из наших душ любовь к свободе, к справедливости, законности, к вере в Бога, не вырвут веру в святость человеческой жизни и личности...»

Елатонцев С.Г. / 1886-1955 гг. / (1)

Долгие годы в школе нам вдалбливали презрительное отношение к самому понятию «домострой». Это отношение к нему начало складываться в дворянской, а потом в разночинной среде, под влиянием западных, в первую очередь протестантских, а затем французских революционных идей. А ведь «Домострой», впервые составленный при Иване Грозном, стал огромным культурным достижением России, поскольку в нем закреплялись и регламентировались наиболее рациональные, проверенные веками, традиционные отношения в семье. Под руководством Церкви из всего многообразия обычаев и традиций отбирались наиболее гуманистические и наиболее пригодные к русскому пониманию и быту. Не случайно «Домострой», как главная книга для семейного пользования, дожил в России до XX века,

Однако, казаками давно сказано: «Писанный закон умирает». Можно развить эту мысль так: во-первых, раз народный обычай или традиция фиксируется, значит, они уже не общеприняты (на живой обычай не обращают внимания, так как он повсеместен и сам собой, разумеется; во-вторых, раз и навсегда закреплённый письменно, он останавливается в развитии и может быть точно так же, только письменно, отменен или заменен на новый, в то время как

в обычае живом изменения происходят медленно, незаметно и не вызывают ни недоумения, ни сопротивления. И, наконец, обычай, возведенный в степень государственного ЗАКОНА, неизбежно вызывает желание ему противоречить.

Казачья жизнь не имела письменного домостроя, но он существовал и был неоспорим, как руководство, избавляющее от многих лишних забот и проблем, обременяющих создание и существование семьи.

«Бронеходы»

– А как вы отличаете кто казак, а кто не казак?

– Вы африканца от вьетнамца отличите? И я тоже. У казаков и других европейцев не так явно, но разница то есть.

Апрельским вечером 1990 года у меня в квартире раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, вы – казак?... Я тоже...

– Так приходите!

– Иду! Я уже внизу у парадной стою!

Вошел подтянутый, нарядно и дорого одетый, типичный, как из альбома «Типы донских казаков», низовской казак, с дюжиной пива в авоське и букетом роз. Пива я не пью. Розы – жене. Но я его опознал. Неделию назад, с замирающим сердцем, я видел его по телевизору в коротеньком сюжете об образовании Московского казачьего землячества, основанного Гарием Леонтьевичем Немченко, которого я знал по Союзу писателей. А это был Александр Гаврилович Мартынов. Так мы встретились впервые, и жизнь моя более чем на десяток лет резко переменялась, став, пожалуй, самой яркой, но и самой мучительной частью моей биографии.

До телевизионного сюжета, до встречи с Мартыновым, я был уверен, что я – последний казак на планете. Что казаки – далекое прошлое и какой-то мой неотвязный рудимент на грани психоза. А он знал обо мне по моим книгам и моим песням, которые в те годы распространял полуподпольно Магнитиздат, да передавали иностранные радиостанции.

Конечно же, я не поехал, а помчался, полетел в Москву! И все что происходило в 1990 году казалось мне какой-то невероятной сбывшейся мечтой! Учредительный круг Союза казаков, со всеми перипетиями и дебатами, столкновениями и раздорами, но вокруг то все – наши! Вокруг – казаки! Мой народ не погиб! Его можно возродить! Восторг и распахнутые объятия, радость и надежда! «Со страхом Божиим и Верою... Да воскреснем!» Такое было время! И когда, до сих пор, летят в меня камни и брань, и ненависть тех, для кого пресловутое возрождение стало отхожим промыслом, и уже по одному этому надо бы им быть благодарными нам – первым, тем, кто в самом начале, когда не было уверенности, что не загонят нас туда, где в заключенных зонах легли в вечную мерзлоту наши деды и отцы, за то, что кормит их и нынче извращенная ими казачья идея, сформулированная тогда на первом Кругу, и неплохо кормит. Но теперь, много лет спустя, заложенное тогда в угаре восторга в фундамент возрождения, видится иначе. Тогда могли, но не сняли то противоречие, которое не снято до сих пор: этнос или социум? Вот цитата из очень серьезной работы В.П.Трута «Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы» Ростов на Дону 1998 г.

«В 80-х г.г. в самых разных регионах страны отчетливо обозначились тенденции развития нового масштабного социального явления, получившего условное наименование «процесс возрождения казачества». В начале о нем говорили робко и отрывисто, но уже спустя буквально один – два года об этом своеобразном общественном феномене заговорили в полный голос. При этом, правда, мнения, суждения и оценки высказывались самые различные: от одобрительных и поддерживающих до удивленных, равнодушных, саркастических, а порою и до откровенно агрессивных злобно-осуждающих. Многим казалось, что все рассуждения о возрождающемся казачестве не более чем вымыслы. Да и само слово «казак» в массовом общественном сознании в основном воспринималось как весьма архаичный термин, ассоциировавшийся, прежде всего с существовавшей до революции специфической военно-служилой

социальной общностью. Даже историческая память о казаках была во многом утрачена. Это являлось прямым следствием проводившейся на протяжении многих десятилетий политики скрытого расказачивания. В результате подавляющее большинство членов общества оказалось попросту неготовым к объективному восприятию начавшегося движения за возрождение казачества и, как следствие, воспринимало его с непониманием и большой настороженностью. Однако, уже первые шаги этого движения свидетельствовали о том, что в сознании казаков и их потомков определяющими являются не социально-классовые, сословные установки, а этносоциальные, этнические. Пережив страшные катаклизмы геноцида расказачивания в годы гражданской войны, долгие десятилетия целенаправленной политики скрытого расказачивания во всех её проявлениях, казачий субэтнос продемонстрировал удивительную стойкость и живучесть, доказав, что определяющими факторами его внутреннего содержания являлись и продолжают являться именно этносоциальные качества»

Вот это следовало возрождать, собирая по крупицам наш народ и его КУЛЬТУРУ! Потому так и тянуло казаков к папахам и лампасам, что на интуитивном уровне было желание вернуть этническую самобытность, вернуться к истокам. Не случайно на Кубани одним из условий приема в казачью организацию было наличие справки. Да и во всех других казачьих объединениях возрождение начиналось с возрождения ни внешности – нет! С горячего желания вернуть утраченное лицо, хотя бы внешние его черты!

Попытка возродить национальный, а не «демократический» Казачий Круг, которого не было с 1771 года, и доводившие до иступления повторяемостью вопросы о ширине лампасов и покрое черкесок – это все оттуда – от желания самоидентификации – так это называется по науке.

Однако, лицо этого нового казачества, мало напоминало лицо истребленного народа, и то что казалось улыбкой возрождения скоро обернулось гримасой...

Я это почувствовал, когда отправился в Первый Конный поход Ростов – Кампличка – Старочеркасск – Ростов. Когда собрались 65 казаков, съехавшиеся со всей страны и даже с Амура, и даже один из Англии, чтобы возродить традицию – отслужить панихиду и молебен на Монастырском острове, на могилах казаков павших в Азовском сидении. Последний раз такой марш-поход, до нас, был в 1919 году. Как нас встречали старики, какой атмосферой восторга были мы окружены! Мне этого хватит на всю оставшуюся жизнь! Но было и другое. А помню как кричал казак на улице Новочеркасска, разбрызгивая слезы:

– Вы, сукины дети, зачем справу ворохнули! Глумиться?! Нас за нее убивали, а вам игрушки!?! – он готов был кинуться на нас с кулаками и такая боль звучала в его матюгах. Как было объяснить, что мы чувствовали тогда, чем и для нас были дедовские гимнастерки, фуражки и башлыки.

Однако, скоро нас «подкрепили» члены военно-исторических клубов. При всем понимании их благородного увлечения, тяжело мне было глядеть на их «реконструкции». На белогвардейскую форму, винтовки с заклепанными стволами и пулеметами без замков. Круглосуточную игру в «их благородия». Я ведь тогда еще все понял и ужаснулся, видя как трагедия превращается в фарс! И ахнул я, услышав, как старик – казак, сплюнув, сказал, глядя на марширующих «господ юнкеров, вольноперов, проручиков и ротмистров», как припечатал: "Бронеходы!"

То что для нас "справа" – наш второй кожный покров, для них – одежда! Для нас – национальный костюм, для них – историческая военная униформа. Сегодня – преображенцев, завтра – казаков, послезавтра – гвардейцев Наполеона, польских улан или егерей Вермахта. Что-то вроде всемирного увлечения игрой в индейцев... На могилах индейцев. Всероссийская игра в «казаков – разбойников», на могилах казаков. Разумеется, люди, имеет право на увлечения, на игру. И в подробной достоверной, живой исторической реконструкции есть свой резон и своя польза. Но ведь для казаков это не было игрой. Для нас тогда начиналось-то все всерьез.

И когда я сказал впервые на первом возрожденном с 1775 года казачьем Кругу: «Слава Тебе, Господи, что мы – казаки!» – я говорил искренне. Я и сейчас от своих слов не отступлюсь, а случись вернуться в тот год и на тот Круг, и теперь бы все повторил, как происходило, когда мечталось возрождение казачества как движение – религиозно национальное! Сказанные в восторженном порыве мои слова, теперь все считают, старинной казачьей молитвой. Это более всего убеждает в моей правоте! И Круг, который мы пытались возродить во всех этнографических подробностях седой старины, может быть выглядел наивным, может быть излишне театральным, и, разумеется, не устраивал ни потомков комбедов, ни «около интеллигентов» от казачества, однако, при всех ошибках, при всех плевках и помоях вылитых и на Круг и на меня, он живет! Именно так, как мы тогда его проводили!

Но и «мне не смешно, когда фигляр презренный, глумясь, пачкает мадонну Рафаэля...» Как, вероятно, и тому казаку, что кричал и плача прилюдно, бранился. Я понял его тогда, но надеялся, что он не прав! А теперь, глядя на очень многое во что выродилось, так называемое, возрождение – смешно... до слез и до зубовного скрежета.

Но все было – как было, в истории нет обратного хода, а 90-е уже история! И случись всему повториться сначала, я бы вел себя точно так же как в девяностом, даже сегодня! Но многое теперь, когда известны результаты, видится по – другому. Собственно, эта книга – попытка рассказать о той жизни, которая нашим бабушка припоминалась золотым веком казачества – это ведь, кроме всего прочего, это еще их юность! А вот золотого века у казаков никогда не было. Никогда. Жила только мечта о нем.

Рассказ о казачьей жизни XIX начала XX века – не о золотом веке казачества. Это попытка осознать мир казачьей души и повседневной жизни, когда казаки еще являли собою относительную, уже сильно размытую, но все же гармонию. За десятилетие, за год, за час, за миг.... до гибели.

Казачья справа

Отмечаемая всеми историками, как основная особенность казачьих войск «справа», то есть снаряжение за свой счет, на самом деле для казака имела не только экономический смысл и ложилась тяжелейшим бременем на семью, но несла и более глубокое философское содержание.

В понимании наших предков «справа» – это не просто набор необходимых для службы вещей, но и особый, часто мистический, ритуальный смысл, которым казак наделял шапку, пашку, мундир и т. д. «Справа» это не только военная форменная одежда, конь и оружие, это в широком смысле вообще национальный костюм, а еще шире – казачья нравственность, бытовой и хозяйственный уклад, весь комплекс предметов и обычаев, окружавших казака. Казака «справляли» задолго до того, как он шел служить. Это связано не только с огромными материальными затратами на амуницию и вооружение, но и с тем, что казак вживался в новый для него мир предметов, идей и понятий, в новый мир, окружавший мужчину-воина.

Обыкновенно отец говорил ему:

– Ну вот, сынок, я тебя женил и справил. Теперь живи своим умом – я боле перед Богом за тебя не ответчик!

Как правило, это означало, что отец обучил сына и ремеслу, и всему, что необходимо знать хозяину, главе будущей семьи, члену станичного казачьего общества, а не только собрал необходимую амуницию и вооружение, и сын понимал, что больше не вправе что-то требовать от отца. Мера отмерена ему полностью. Он – ломоть отрезанный. Поэтому рассказ о казачьей справа нужно начинать не с рассказа о вещах, а с объяснения внутреннего смысла, который в каждое понятие и предмет вкладывается. Важнейшим и первым было понятие «исправности».

«Казак обязан быть исправен». В такую формулу наши предки вкладывали очень широкий смысл. Это ясность души, четкость мировоззрения, верность в слове и деле, физическое здоровье и опрятность во внешнем облике. Особую часть понятия «исправность» составляли постоянная боевая готовность, (адмирал Макаров объяснял ее прежде всего, как готовность в любую минуту ринуться в бой и умереть за Родину), разумеется, строевой, крепкий и здоровый конь, на нем никогда не пахали, не возили грузы, он «сберегался в теле» и постоянно, ежедневно по несколько часов «работался», только для войны, боеприпасы, снаряжение, оружие. И, конечно же, крепкое хозяйство, хотя об этом говорилось в последнюю очередь.

Казак мог быть беден, но не мог быть неисправен. Это также немыслимо, как неопрятный казак. Внешнее проявление исправности – уставной порядок в одежде, здоровье и как следствие веселый дух. В любых условиях тщательно соблюдались правила личной гигиены. На службе казак еженедельно ходил в баню, менял нательное белье, сам стирал, ежедневно мыл ноги, умывался, брился, подшивался – менял ежедневно подворотничок гимнастерки и т.п.

Старшие по званию могли в любой момент, даже в мирное время, приказать строевому казаку раздеться, показать чистоту тела и «исподнего». Это связано не только с требованиями войны – пренебрежение личной гигиеной вело к потере боевых качеств: потертости ног, опрелостям, распространению болезней, но и с высшим духовным смыслом. Постоянное поддержание себя «в форме», как бы сейчас сказали, заставляло казака постоянно помнить о той цели, ради которой он пришел в этот мир – служении Богу через служение своему Отечеству и Народу – ОРУЖИЕМ.

В каждом войске существовали свои правила гигиены, приспособленные к местным условиям. Зимой, за неимением воды, казак ежедневно, обтирался снегом по пояс. В пустынях, где не было воды, казаки каждые три дня на походе прожаривали одежду на солнце, зимой над костром, при отсутствии воды устраивали «сухую баню» – валялись в мелком песке обнаженные и обтирались суконкой на ветру. (Вероятно, способ, восходящий к античным време-

нам, каким пользовались древние греки, и до сих пор владеют жители пустыни). Брились даже в условиях окопной войны. При отсутствии мыла и горячей воды брились «свинячьим способом» – отросшая на щеках щетина подпаливалась и стиралась мокрым полотенцем.

Но это касалось только молодых и неженатых казаков и казаков гвардии, которые носили только усы. Женатые казаки носили, как правило, бороду. Борода тщательно подстригалась и подбрасывалась. Особый фасон казачьей бороды обуславливался способом бритья. Казаки брились шашкой. Шашка подвешивалась за темляк, и казак брился лезвием у боевого конца. Поэтому бритыми были три плоскости: щеки и шея под подбородком. Так брились до XVII века и позже, когда «опасная бритва» стала входить в обязательный набор казачьего снаряжения, фасон бороды сохранился.

Чуб, хохол, горшок, скобка и оселедец

Особой легендой овееян знаменитый казачий чуб и косо посаженная фуражка. Хотя никаких специальных указаний по этому поводу не имелось, казаки упорно носили чубы и заламывали шапки на ухо. Легенда же сообщает, что на Дону всегда существовал закон личной неприкосновенности всякого, кто пришел просить убежища и защиты у казаков. «С Дона выдачи нет!» Этот принцип соблюдался на протяжении столетий, особенно ярко это проявилось в Гражданскую войну, когда вся гонимая истребляемая Россия искала убежища у казаков.

На Дону никогда не спрашивали беженца, откуда он, что совершил, даже имени – пока сам не скажет, не пымали. Укрывали, кормили, защищали. Но горе было тому, кто нарушал законы гостеприимства или пытался насадить среди казачества чуждые им принципы и взгляды, «посеять соблазны». Такой человек бесследно исчезал в степях.

Со времени усиления самодержавного режима в России приток беженцев на Дон усилился, причем среди беглых было много прошедших каторгу. Преступник согласно русским законам «клеимся», но кроме клейма «вор», выжженного на лбу, ему отрезали уши, а в момент пребывания на каторге выбиралась половина головы. Часто в таком виде с еще не отросшими волосами беглецы оказывались на Дону. Посланные за ними «сторожа» требовали «свидетельствования всех казаков». То есть все казаки выстраивались на майдане, и присланный чиновник искал «вора». Вот здесь дня того, чтобы скрыть в строю беглецов, и возник обычай прикрывать одно ухо шапкой, а второе и часть лба закрывать чубом.

Это полный вымысел, легенда, апокриф, – сотворенный для утверждения постулата о том, что казаки – разбойники, поголовно из беглых преступников. Сколько же должно было быть в России преступников, чтобы в казачьих землях собралось многомиллионное население?

Я думаю это, так называемое, «вульгарное толкование», как например в Питере толкуется название Охта. Дескать, царь Петр I посмотрел через Неву на противоположный правый берег и вздохнул – Ох, та сторона! На самом деле «охти» на языке местных финнов – «болото». Точно также как слово «челдон», правильно «чолдон», расшифровывается, как аббревиатура слов «человек с Дона», хотя на самом деле это самоназвание части народа якутов – «кочевники» (бродяги), и к Дону не имеет никакого отношения.

Косо посаженная фуражка, а чаще бескозырка – уставное ношение этих военных головных уборов в Российской Императорской Армии.. Скорее всего, это происходило от того, что кивер – парадный и боевой головной убор, (в отличие от фуражки – мягкой шапки для хозяйственных работ, в частности, заготовки фуража – отсюда название), украшался высоким султаном, который крепился с левой стороны, и чтобы он не свешивался на сторону, кивер сажали на голову косо – «на правую бровь».

Иное дело – чуб. В средние века казаки носили три широко известные прически. Казаки – черкасы оставляли хохол по всей гладко выбритой голове (похожая на эту современная прическа называется «ирокез»), он дал основание для насмешливого прозвища украинцев – хохол, или оселедец, обе прически носили только воины казаки запорожцы. Оставление одной пряди волос на выбритой голове – обряд, восходящий к древнейшим временам. Так, у норманнов

«оселедец» означал посвящение одноглазому богу Одину, его носили воины – слуги Одина, и сам бог.

Известно, что славяне-язычники, воины Святослава Киевского, тоже носили оселедцы. Впоследствии «оселедец» стал символом принадлежности к воинскому ордену запорожцев. Такую прическу носили, после принятия в «вийсковое товарищество», а еще раньше в древности у славян и у многих других народов юноши, прошедшие инициацию, т. е. обряд посвящения мальчика в мужчины. Любопытно, что у соседей казаков – персов – само слово «казак» и означает «хохол».

А слово «хохол» некоторые историки лингвисты относят к готско – хазарскому хох – готск. – верх, оол – хазарск – сын. (сохранилось у турок – как оглы, у гагаузов – оглу – смын, вроде славянского окончания вич. – сын Иваныч, Птрович.) Стало быть, избранный – сын неба. Вот те и обидная кликуха!

(Русских же, жителей степных краёв именуют "кацапами" выводя от украинского диалектного названия козла "цап"... Ну уж тогда было бы не совсем по украински "як цап", а не "как цап". Мол, русские носили "козлиные бороды" Это все то же безграмотное " народное" вульгарное толкование. Слово "кацап" – так именуется топор мясника да и сам мясник. А приклеялось это наименование в русском стрельцам, вооруженными огромными боевыми топорами "бердышами" наносившими страшные раны и пешим, и конным, когда с ними впервые столкнулись турки. Волосы втанут дыбом как представишь, что представляло собой поле битвы после того как по нему прошли "кацапы"!... Прим. автора.)

Две прически были распространены и среди сабиров или севрюков (см. Северщина на Украине, Новгород-Северский, Северский Донец).

Казаки среднего Дона, Терека и Яика стриглись «под горшок», «под арбузную корку». Стригаль надевал клиенту на голову горшок или корку от выеденного ложками арбуза и ровнял волосы по краю. И конечно знаменитый казачий чуб, выбивающийся из под фуражки – самая молодая прическа. Появилась она не раньше ХУ!! века под влиянием польской и даже шире европейской моды: бритый затылок и кудрявый чуб надо лбом. Возможно, такая прическа возникла из необходимости стричь волосы, чтобы металлический шлем или каска не соскальзывали по волосам с головы. В наше время длинные волосы, по этой же причине стали носить битники – пацифисты, демонстрируя своими прическами невозможность надеть на такую волосатую голову военную каску.

Обычай стричь волосы, неверное, выделял казаков из среды хазар и, впоследствии, половцев, которые носили косы.

Срезанные волосы, во всех древнейших магиях, имеют огромную силу, поэтому их тщательно прятали: закапывали в землю, опасаясь, что волосы попадут к врагу и тот совершит над ними заклинания, причиняющие порчу.

Во всех казачьих землях сохранился древнейший обычай первой стрижки ребенка. В Киевской Руси этот обычай назывался «постриги» и его совершали в церкви, в присутствии и по благословению церковных иерархов только над княжичами. Летопись зафиксировала, что над Александром (Невским), родившимся, скорее всего, в 1220 году, епископом Симоном в Спасо-Преображенском соборе г. Переяславля совершен обряда княжеского пострига в 1223 году.

Значит, ему было около трех лет, а в шесть лет Александр Ярославович стал Новгородским князем. Скорее всего, этот обычай еще древнее, возможно это наследие культуры кочевых народов, живших в степи прежде казаков. Важно другое, сами казаки свое происхождение ставили очень высоко, приравнивая этим обычаем себя к князьям – воинам. Что кстати служит косвенным подтверждением, что «казаковать» в Дикое поле или Великую степь уходили профессиональные воины высоких родов, а не черный люд, не умевший держать меча. И что

такие «ухожаи», хотя и занимали в степи привилегированное положение, однако были редким вкраплением среди местного «аборигенного», степного населения.

Обычай постригов не умирал в казачьей среде никогда. Как и крещение, фактически, запрещенное при советской власти, он исполнялся тайно. Когда мальчику исполняется год, (во всяком случае, не раньше) крестная мать, в окружении женщин-родственниц, но без матери родной, которая не присутствует и при крещении ребенка, усаживает его на кошму и первый раз в жизни стрижет. Обряд сопровождается благими пожеланиями и ритуальными песнями, волосы тщательно собираются и хранятся в киоте именной иконы, которая дарилась ребенку при рождении и сопровождала его всю жизнь. Если казак брал икону с собою в поход или на службу, то пакет с волосами мать перекладывала в киот своей домашней иконы. Волосы первого пострига всегда оставались в родном доме.

Эти волосы либо укладывались в гроб умершему или его гроб матери, если он бывал погребен на чужбине, либо сжигались с частью его личных вещей, какие не наследовались и не раздавались нищим.

В семь лет казачонка стриг крестный «в скобку», после чего ребенок первый раз шел мыться с мужчинами в баню. Происходило это, как правило, в субботу, а в воскресенье, облачившись в новую, мужского покроя одежду, мальчик первый раз шел к исповеди.

Третий, последний раз, ритуально казака стригли в 19 лет при зачислении в казаки и приведении к присяге на верность службе. За день-два до присяги, соблюдая строгий пост, малолеток шел с отцом и крестным в баню, где его стригли наголо, одевали во все новое и чистое. К присяге он шел «бригоголовым».

Эта третья ритуальная стрижка означала его расставание с гражданской жизнью и вступление в военную. Теперь главной заботой его и его семьи была «справа» и снаряжение на службу. За два года до призыва на действительную, он должен был многому научиться, многое собрать и... отрастить чуб.

Именно с этой стрижкой связана прибаутка:

– Стриженный калдаш, когда денежки отдашь! (Калдаш, калдай (тюркс.) – род кистеня, круглая гиля на ремне).

– Зараз погожу, покель не отслужу...

А вот древний обычай, связанный с волосами: когда казаки хоронили друга, чаще всего предательски, убитого, то бросали в могилу пряди волос, срезанные или вырванные из чубов, что означало их клятву мстить врагу без пощады. Вырванная из чуба прядь всегда означала «проклятие». Помните, у Н. В. Гоголя о предателе Андреи: «Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чуприны и проклянет и день, и час, в который породил на позор себе такого сына». Однако, казаки, вырывавшие, в знак проклятия и мести, пряди волос, знали, что Бог запрещает мстить! И потому считали проклятыми и себя. Решившись на месть, они понимали свою обреченность. «Я – человек конченный! – говорил в таких случаях казак. – И не будет мне покоя ни на том, ни на этом свете...» Кстати, ведь гоголевский Тарас Бульба погиб...

Одежда

Казак ценил одежду не за ее стоимость, дорогую материю, украшения и т. п., а за тот внутренний духовный смысл, который она для него имела. Так, он мог штукой трофейного атласа запеленать больного коня, изорвать драгоценный шелк на бинты, но берег пуше глаза мундир или гимнастерку, черкеску или бешмет, какими бы ветхими или залатанными они не были.

Разумеется, одним из важных обстоятельств было удобство боевого костюма, его «обношенность». Так, пластун в поиск шел только в старых разношенных, удобных ичигах, а кавалерист сначала обнашивал мундир, а только потом садился в седло, опасаясь заработать от новой одежды губительные опрелости и потертости.

Но главным оставалось иное. По верованиям всех древних народов, одежда – вторая кожа. Потому казак, особенно казак-старовер, никогда не надевал трофейной одежды, особенно, если это одежда убитого. Ношение трофейной одежды разрешалось только в случае крайней нужды и после того, как она была тщательно выстирана, выглажена и над ней совершены очистительные обряды.

Казак опасался не только возможности заразиться через чужую одежду, сколько особой мистической опасности. Он боялся, что с чужой одеждой унаследует судьбу ее прежнего хозяина («мертвяк на той свет утягнеть») или его дурные качества.

Поэтому одежда, изготовленная «по домашности» матерью, сестрами, женою, а позже хоть и казенная, но со своего капитала купленная или у своего каптенармуса взятая, приобретала для него особую ценность.

В древности особо отличившимся казакам атаман дарил сукно «на кафтан», понимая скрытый смысл подарка. Скажем, боярин, получивший «шубу с царского плеча», радовался чести, казак же помнил, что это «пожалование» имеет сторону: надеть чужую одежду или облачиться в «чужие покровы» означало войти в чужую волю, она могла быть и доброй, а могла и злой. Тогда, надевший чужую одежду, мог «попасть в чужую волю», то есть стал бы действовать вопреки собственному пониманию добра и зла, и собственному здравому смыслу. Именно это вызывало у казака «смертный страх» – то есть страх, от которого он мог в самом деле умереть или сойти с ума. Ведь это означало потерю воли. Потеря воли для казака была страшнее всего. И это не заточение в темницу, не исполнение какого-то тяжелого обета или приказа, а страх что-то делать помимо своего желания, своего понимания, своей ВОЛИ.

Но вернемся к одежде. Первой одеждой считалась крестильная рубашка. Рубашку шила и дарила обязательно крестная. Надевалась рубашка только один раз – в момент крещения ребенка, и после этого всю жизнь сохранялась и сжигалась после смерти человека вместе с первой срезанной прядью волос и лично ему принадлежавшими вещами, подлежащими ритуальному уничтожению (письма, нательная одежда, постель и т. п.). Крестильная рубашка сохранялась матерью и сжигалась ею. Иногда женщина не могла поверить, что ее сын, ее кровиночка, который для нее всегда оставался маленьким, погиб в чужедальной стороне за Веру, Царя и Отечество. И тогда крестильная рубашка сохранялась до последних дней самой матери. С наказом положить ее в материнский гроб. Туда же, а гроб матери, клали рубашки без вести пропавших, которых нельзя было поминать ни среди мертвых, ни среди живых. Моя бабушка не сожгла рубашку своего погибшего сына – моего дяди. Не знаю, по какой причине это произошло. Может быть, она все еще верила, что сын вернется! Хотя доподлинно знала, что он пал смертью храбрых. Может быть, соблюдала другой обычай: рубашки погибших сжигались через три года после победы. Не знаю! Только дядина рубашка сохранилась. И крестильный крестик, который дядя не мог носить – он был офицер Красной Армии – сохранился. Этот сверток вместе с последними дядиными письмами лежал у бабушки в комод. Там же хранилась первая пенсия, полученная за убитого сына. Этими деньгами бабушка заплатила за мои крестины. У казаков за крестины платит крестный, и бабушка считала, что дядя, будь он жив, обязательно был бы моим крестным. Уплата за крестины этими деньгами как бы подчеркивала его незримое, небесное покровительство мне. Но чудо все-таки состоялось. Бабушка перепутала свертки! Мой, с новой рубашкой, позабыли, а взяли дядин, и его нательный крест надели на меня, и его рубашку... Таким образом, выходит, что я, носящий его имя, рожденный через три года, в день и час его гибели, крещенный в его рубашке, носящий его крест, продолжаю его жизнь! Я прекрасно понимаю, какое благодетельное действие оказывала на мое воспитание эта мысль; что я – продолжение уже состоявшейся, уже праведной и героической жизни. И я тянулся изо всех сил, стираясь быть достойным убитого героя, чтобы его судьба, его воля, его крестильная рубашка стали мне впору...

Не только крестильная, но и любая нательная рубашка имела ритуальное магическое значение: с больного ребенка рубашку «пускали по воде», если болезнь была тяжелой, но не заразной, и сжигали в костре, если это была «глотошная» (дифтерит) или еще какая-нибудь напасть, чтобы вода и огонь – стихии чистые – пожрали болезнь. Для казачонка очень важным этапом было получение первых штанов. Именно в это время его начинали учить верховой езде, и в сознании ребенка навсегда соединялось получение штанов – гениального изобретения кочевников, без которого правильная езда невозможна, и первые уроки мастерства, без которого казак своей жизни не мыслит.

«Лучшая конница мира» начиналась с этих широких штанишек из домотканого холста на помочах, перекрещенных на спине, с двумя пуговицами на пузе. Для коренного родовитого казачонка штаны не только первая снасть для верховой езды, но и признание его мужского достоинства. Того, теперь уже бесспорного, свидетельства, что он уже большой.

– Батюшки! – всплескивали руками старики, сидящие на майдане. – Григорий Антипыч, да ты, никак, в штанах!

– А то! Я уже большой! – гордо отвечал карапуз.

– Да в длинных! – накаляют обстановку старики.

– С карманами! – золотит пилюлю обладатель новых штанов.

– И с карманами! – поддакивают старики. – Не иначе, отец тебя по осени женить собрался!

«Настоящими штанами» считались шаровары либо брюки, но даже на «маявочную» одежду казаченок требовал и до сих пор требует, нашивки лампасов. Когда мой трехлетний сын отказался надевать трусы «без вот таких полосочек», чем сильно меня развеселил, моя мама, сказав сакраментальное «это у него наследственное», достала из какого-то своего схрона совсем ветхие крошечные трусики с выцветшими алыми лампасами. Да! И я, и сын мой требовали пришить лампасы к штанам. Что же это такое – лампасы?! Откуда они взялись! Почему с ними, что называется, огнем и мечом боролись большевики. По распоряжению Донбюро за ношение лампасов, как равно и за ношение погон, царских наград, фуражек, мундиров, за слово «казак», «станица» и т. д. – полагался расстрел на месте. Лампасы вырезали на ногах казакам каратели Ленина, Свердлова и Троцкого, предварительно выколов им глаза и приколотив гвоздями к плечам погоны. На жаргоне карателей «полковник», например, назывался «костыль», потому что его погон без звездочек приколачивался к плечу жертвы железнодорожным костылем, погоны есаула, сотника, хорунжего приколачивались гвоздями или ухналями по числу звездочек. Так что наши погоны и наши звездочки, наши лампасы окрашены кровью жертв революции и геноцида, который за ней последовал. Так что же означали лампасы? За что так ненавидела их, обрушиваясь на Тихий Дон, пролетарская диктатура и тоталитаризм, который ее породил!

Существует легенда, по которому лампасы появились в XVI веке... Царь московский пожаловал казаков наградой за то, что они одни остановили татарское и ногайское нашествие на Русь, рассеяв врагов в степи, собственными жизнями заслонив царство московское от гибели. Царь пожаловал казаков хлебом, ружейным припасом и сукном... Сукно было двух цветов: синего много и алого мало, поскольку алая аглицкая краска была на Руси дефицитом. Если сукна синего хватило всем, то на счет алого вышло на казачьем дуване затруднение. Казаки обратились к московскому чиновнику – приказному дьяку: – Как делит?!

Дьяк посоветовал выделить красного сукна на кафтан атаману. Послушались. Выделили. Как делить остальное?

– Оденьте в красное героев! – посоветовал дьяк.

– У нас тут не героев нет! – ответствовали казаки. – Мы тут все герои – иначе не выжить.

Дьяк растерялся. Тогда казаки разделили сукно по совести, по справедливости, то есть поровну. По две ладони с четвертью. Разобрали длинные ленты, совершенно не пригодные для пошива какой-либо одежды, и дьяк посетовал;

– Сгубили сукно.

На что казаки ответствовали:

– Это по твоим московским мозгам сгубили! А у нас в казачестве, может, справедливость наша в потомках и окажется! Поделили честно, по совести, стало быть, Бог нашей справедливости не даст уйти в забвение.

Такова казачья легенда, сказка, апокриф. Когда я впервые опубликовал ее, некоторые «краеведы и знатоки» подняли ее и меня заодно на смех. Однако, ведь я ее не придумал, а только пересказал. А доказательство того, что такой обычай в древние времена существовал нынче находится в Государственном Эрмитаже. Ученые, занимавшиеся раскопками могильников времен Хазарии на Кавказе, привозили оттуда большое количество всевозможной одежды, поднятой из захоронений. Долгое время на эти тюки с тряпками никто не обращал внимания пока, наконец, не принялись за ее изучение. И обнаружили, что на одежду местного изготовления, кусочками нашивались дорогие шелковые ткани, вероятно полученные, в качестве таможенной платы за проход через территорию племени. Большие куски материи делились соплеменниками поровну. И эти маленькие кусочки нашивались на местную одежду как обереги –украшения. Сегодня из этих кусочков вновь собраны целые куски тканей, изготовленных в Византии и Китае – одни из древнейших и красивейших тканей дошедших до наших дней.

Так что, совершенно не исключено, что и казаки в древности так же делили сукно или сохранили в памяти воспоминания о таком обычае, бытовавшем в X!!!-X вв. у их кавказских предков.

Официально лампасы на казачьем мундире были введены в 1801 году во времена атамана М.И. Платова. Однако, на старинных рисунках мы видим казаков в шароварах, к которым произвольно пришиты ленты. – (возможно, знак демократии? Прим. автора). Лампасы были узаконены царским правительством и в 1843 году, возможно, как символ того, что их владелец не платил податей казне. Право на лампасы и околыш имели, например, дворяне. Лампасы по образцу казачьих носили например в Нижегородском драгунском полку. Кавказские казаки кубанцы и терцы вместо лампасов носили кант! Но ни в одном роде войск, ни в одном сословии лампасы не стали частью национального костюма, казаков. Алые лампасы и алый околыш у донцов и сибиряков, малиновый – у уральцев и семиреченцев, синий – у оренбуржцев, желтый – у забайкальцев, якутов, уссурийцев, амурцев, и астраханцев.

Гражданская война породила врубленный лампас и пришитый погон как знак того, что человек решил умереть, но не изменить данному слову и своему решению. Намертво пришитые погоны, которые нельзя сорвать, или погоны, нарисованные химическим карандашом на гимнастерке – казачье изобретение, существовавшее и в Великую Отечественную войну. Лампасы, не нашитые поверх шаровар, а «врубленные» в шов, сохранились у казаков до наших дней.

Но по воспоминаниям стариков и по письменным свидетельствам лампасы превратились в символ национальной, а скорее, политической принадлежности казаков только в гражданскую войну. Они стали знаком сопротивления геноциду и сатанинским силам, истреблявшим казаков, знаком защитника Казачьего Присуда – нашей Родины. До революции в обязательном, уставном порядке лампасы носили только «военные» казаки строевых возрастов. Казаки начали постоянно носить лампасы, когда их в станицах, количественно, стало меньше, чем иногородних, не имеющих права носить лампасы. Эта была неосознанная попытка отстоять свою самобытность. В тех же станицах, где казаки оставались в большинстве, в домашней обстановке, они ходили без лампасов, а казаки побогаче и вообще норовили, носить городское

покупное платье. Лампас, архалук, гимнастерка и даже сапоги стали знаком неприятия всего того кошмара, что происходило с казаками после 1917 года.

Однако, когда в 1935 году по «сталинской» конституции, формально, были прекращены репрессивные меры против казаков, когда в 1936 году вместе с возрожденными национальными частями в Красной Армии, «возродили» и казачьи части, разрешили носить лампасы, а «головке» – руководящему составу станиц, разумеется, из иногородних, не вменили в обязанность, но настоятельно рекомендовали носить лампасы. И по рассказам стариков «все хохлы понашили ленты на кальсоны, стали ходить и перед казаками красоваться – мы де теперь казаки не хуже вас недорезанных». Таким образом, это «благодетельство» обернулось еще в одно национальное унижение! Разумеется, коренные казаки никаких лампасов не надели!

Лампасы, как часть военного мундира казаков кавалеристов были официально возрождены в Красной Армии в 1936 году, в казачьих частях, куда попадал кто угодно, по военному призыву, и у казаков служивших в Вермахте. Здесь казаки, в процентном соотношении преобладали, и служа под немецкими знаменами, называясь казаками, однако, не все были казачьего происхождения. Шла обычная путаница между казаками и козаками, то есть украинцами. Но это отдельная тяжелая и горькая история, требующая серьезного рассказа не входящего в задачу этой книги. Как у каждого народа исконный национальный костюм для его владельца преисполнен особого значения.

Еще и сейчас можно встретить старика, особенно из старообрядцев, который одет со всеми, принятыми по обычаю правилами, в старинного покроя одежду, где каждый стежок иглы значителен и оваян ритуалом или освящен обычаем.

Вот выходит такой старик из парилки, отжимает рукой бороду. Отдыхает. Сейчас на его обнаженном теле особенно видны пулевые, осколочные, а то и сабельные шрамы. Казаки останавливали кровь особым составом: отжевывали паутину с порохом и смазывали этим составом свежие небольшие раны. За неимением паутины (которая – чистый белок и обладает фантастическими заживляющими свойствами) раны побольше просто присыпали порохом для обеззараживания. От пороха шрам становился синим... На ином старике такие иероглифы нарисованы, что ком к горлу подкатывает. В остальном же, тело чистое. Казаки никогда не уродовали собственное тело, сотворенное по образу и подобию Божию, татуировкой.

Вообще в старину люди боялись каких-либо отметин на теле, даже родинки считались дьявольским наваждением, потому, скажем, в гвардию с большими родимыми пятнами на теле не брали. Отдышавшись, старик надевает крест. Казаки в бане крест снимали. В предбаннике находилась икона и нательные крестики вешали под нее. Тут был и древний мистический смысл, и чисто житейский интерес: казаки не носили крест на цепочке, а только на шелковом или сплетенном из суровой нитки гайтане, который, естественно, в бане намок бы, а крест накаляется жжет до шрамов.

Поверх креста надевалась ладанка. Если старик надел ладанку, значит, он не местный, приехал к знакомым, родственникам или по делам и боится умереть в дороге. Ладанка сшита из лоскута отцовской или материнской рубашки. Она плоская, вроде подушечки, в ней два отделения, как в кошельке. В одном – земля с отеческого двора или, как говорили, с родного пепелища (что не было художественным образом, а точно указывало, откуда земля взята, но об этом в главе «Смерть и похороны»), в другом – веточка полыни и кусочек ладана.

Надевши крест, и обязательно перекрестившись, старик облачается в длинную белую рубаху и кальсоны-сподники, к кальсонам пришит кошелек на пуговице, сюда («подальше положишь – поближе возьмешь») прячутся трудовыми потом и мозолями нажитые рубли. Надетые поверх посконных «сподников» шаровары перетягиваются на поясе длинным тонким сыромятным ремешком – гашиком. Кошелек оказывается прижатым этим ремешком к животу «в припарку». Этот кошелек и называется «загашник». Что означает выражение «спрятать в загашник», знает вся Россия, но только казаки знают, где «загашник» находится.

Я еще застал на базарах крепких упрямых стариков, которые могли долго торговаться и бить по рукам. Иногда они, уж совсем, было, сговорившись, задирали гимнастерки, спустили шаровары и начинали разматывать гашники, но тут опять возникали какие-то неучтенные ранее условия сделки, и сызнова начиналась божба и рукобитие – теперь уже со спущенными на сапоги шароварами, в сиянии белоснежных сподников.

Такое могло длиться часами, проходившие мимо казачки только прыскали со смеху да отворачивались, глядя на петушащихся стариков, вконец сорванными голосами продолжавших торговаться. Длилось это до тех пор, пока какая-нибудь идущая мимо старуха в черном до глаз платке не хватала ком грязи и не запускала в дедов. Тогда они враз ахали! Иной раз даже приседали, стараясь прикрыть кальсоны гимнастеркой, и под хохот казаков торопливо натягивали шаровары и застегивались. Но торг не прекращался, и через некоторое время опять старички стояли в спущенных штанах. Но вообще же страсть к торговле, любая вольность в одежде общественным мнением порицалась. И то, и другое считалось грехом, как, например, азартные игры, петушьи, гусиные и бараньи бои...

Основной одеждой казаков-мужчин были мундиры. Происходила военная реформа – менялся воинский мундир – неизбежно менялся и костюм станичников.

Вообще, это относится не только к казакам, но и ко всему народному костюму, который было бы неправильно воспринимать, как что-то раз и навсегда принятое, неизменное и не подверженное влиянию моды.

Правда, изменения в костюме станичников происходили гораздо медленнее, чем в воинском мундире, кроме того, в армии появлялись изменения и детали, которые в станицах не приживались... Вообще, любое модное новшество неизбежно претерпевало изменение в станичном исполнении, а прижившись, существовало долго. Скажем, на службе оно давно отменено и забыто, а старики по станицам продолжают носить одежду, в том числе и новшество, по тем образцам, кои были им привычны. В каких мундирах они служили в молодости, в таких и умирали в старости. Так, на фотографиях времен Первой мировой и даже послереволюционных можно видеть стариков в мундирах русско-турецкой войны, а в послевоенных и нынешних костюмах, принятых на Дону, легко читаются мундиры и гимнастерки начала века. Однако общие черты, присущие казачьему костюму, красной нитью прослеживаются в казачьей одежде с древнейших времен до наших дней.

Но вернемся к старику в бане. Вот он облачился в широкие суконные шаровары. На протяжении столетий они меняли покрой незначительно и никогда не были «в облипочку» – в узких штанах на коня не сядешь,

В «Записках казачьего офицера» Квитки рассказывается, как офицер, перешедший в казачий полк из гвардейских гусар, жалел казаков за то, что они парятся в суконных шароварах. Сам он был одет в тонкие чикчиры и изнывал от жары. Так вот, если бы он надел казачьи шаровары, предварительно надев чистые сподники, то понял бы, что казаки чувствовали себя гораздо лучше, чем он, жалеющий их, офицер. Просторные суконные штаны играли роль своеобразного термоса, а полотняное нижнее белье (всегда чистое) не давало ногам преть и стираться, в сукне, о седло.

Подвязав шаровары гашником, старик натянул просторную гимнастерку. Она – дочь русской рубахи и сестра кавказского бешмета. Наверное, потому так и прижилась белая, первоначально «гимнастическая рубаха», носимая прежде под мундиром, что она плоть от плоти рубахи крестьянской, а еще раньше – славянской.

Подпоясавшись старым ремнем с простой пряжкой об одном шпеньке, казак накинул архалук – стеганую одежду со стоячим воротником. Вот, что написано об этой одежде у В. Даля: «арка – лык (татар.) прим. чересседельник. Из этого же слова (арка (татар.) – хребет, спина) в значении полукафтанчика, вышло архалук – поддевка, род домашнего чекменька, большей частью не суконного, стеганка».

Это очень старая одежда. На человеке я его видел, пожалуй, раза два за всю жизнь, наши деды нашивали его уже в виде верхней одежды, бывали они сатиновые и шелковые. Скорее всего, от архалука родилась телогрейка, знаменитый русский ватник, первоначально носимый только под шинелью, как архалук под кафтаном.

А сам старинный кафтан с открытой грудью, без воротника породил костюм, по крайней мере, двух огромных районов. Донские казаки и уралыцы носили их издревле, в XIX веке получили форменный кафтан, застегнутый наглухо, на петли и крючки встык, а казаки кавказских войск пришили, к древнему кафтану, без воротника, газыри патронташи и получилась знаменитая черкеска. Так что постулат о том, что, придя на Кавказ, казаки заимствовали кавказскую одежду, весьма спорен. С таким же успехом можно сказать, что кавказцы заимствовали одежду, принесенную казаками, и, не меняя покроя, носят ее до сих пор. Черкеска кавказская и казачья различается покроем. Кавказская застегивается на крючки встык, казачья запахивается, как свитка. А на самом деле никто ни у кого ничего не заимствовал! Предки казаков и современных кавказских народов, живя бок о бок с глубокой древности, вместе проходили одни и те же фазы развития воинского искусства, в угоду которому и менялся воинский костюм.

Так, с изобретением огнестрельного оружия и появлением стрелковых соединений вроде стрельцов или мушкетеров возникла необходимость в мерном заряде. То есть, во время боя некогда было отмерять порох, нужно было максимально быстро засыпать нужную порцию в ствол, забить пулю, подсыпать из пороховницы порох на полку и стрелять. И такая емкость с заранее отмеренным зарядом появилась. Ее можно видеть и на русских, и на иностранных, старинных гравюрах и лубках – это деревянные «зарядцы», которые болтались у стрельцов на плечевой перевязи. Но если зарядцы устраивали пехоту, то кавалеристам не годились. Во время езды такой зарядец было и не поймать рукой, потому были придуманы специальные крепления, державшие «зарядцы» наглухо, а сами зарядцы превратились в нынешние газыри. Кстати и патронташ, носимый пехотинцами на поясе, казаку был неудобен, и потому, в так называемых степовых казачьих войсках, патронташ стали носить на перевязи через левое плечо, чтобы можно было легко вытащить обойму правой рукой. Винтовку же казаки традиционно, в отличие, от регулярной кавалерии, носили через правое плечо, вместе с портупей или «шлейкой» сабельного ремня.

Шапка и фуражка

Головные уборы – совершенно особая часть любого народного костюма. А у казаков шапка и фуражка овеяны таким количеством легенд, преданий, исторических преданий и примет, так слились с судьбою казака, что даже три четверти века геноцида рассказывания, ссылок, истребивших весь казачий уклад, приведшие к запустению земли, к забвению – обычаи, не смогли уничтожить казачью папаху и фуражку. Фуражка была, есть и будет предметом почтения, поклонения и гордости казака. Как и все другие части национальной одежды, казачья шапка – предмет особого сакрального мистического смысла. И пусть этот смысл для большинства казаков был потерян давным-давно – ритуал соблюдался и соблюдается до наших дней!

За курганом пики блещут, пыль клубится, кони ржут,

И повсюду слышно стало, что донцы домой идут.

Они к Дону подходили, сразу кивера долой!

Они Дону говорили: «Здравствуй, наш отец родной».

Это не просто художественный образ. Это зарисовка с натуры. Во многих книгах, статьях встречается сцена – со станции казаки в пешем или конном строю или поодиночке, возвращаясь в родные места, идут не домой, не в церковь, а прежде всего к Дону, к Хопру, к Донцу... Здесь, на берегу, казаки срывали с голов фуражки и бросали их в волны реки. Затем, умывшись, а то и искупавшись, напившись родной водицы, насухо утирались свежим полотенцем и доставали из тороков или заплечного «сидора» новенькую фуражечку и только тогда шли домой.

Давным-давно не пылят по степным шляхам конные сотки, не колют длинными пиками небеса, давным-давно казачья фуражка и папаха стали редкостью и заказным, городским дефицитом, а то и украшением модного туалета заезжей манекенщицы, а шапки летели, летят, и будут лететь в Дон. И качает он на волнах пилотки солдат Великой Отечественной, ушанки и кубанки, а теперь афганки и голубые береты, бескозырки и танковые шлемы, потому как обычай приносить шапку в жертву и благодарность батюшке Тихому Дону много старше и фуражки, и папахи, и кивера...

Для нас Дон – божество. За неимением церкви казак может в пасмурный день, когда нет солнца, молиться, оборотясь к Дону. Особая молитва о смывании грехов вершится по колено в воде, и, по окончании ее, казак трижды омывал лицо и руки и только после этого крестился (крест смывать нельзя). В клубке старинных обычаев, молитв, полу языческих и христианских образов, составлявших мировоззрение казака недавнего прошлого, река (8) вообще и Дон, в частности, была живой. Живое воплощение божества – неиссякаемого, грозного, но милосердного.

Для казака Дон Иванович-батюшка был хранителем. Ему в прощальной молитве оставлял свою семью казак. Его поминал он в далеких краях. Не случайно сказано «Тихий Дон». Именно за тишину, за мир и порядок ценится семья. Дон – символ справедливости, мира и семейного счастья. А шапка – продолжение головы; собственно, если одежда – вторая кожа, то шапка – вторая голова.

Петр I был поражен одним казачьим представлением, которое недоброхоты казачества превратили в анекдот, в результате которого нам, якобы, был «милостиво» пожалован герб – голый пьяница на бочке с шашкой в руках и шапкой на голове. Дескать, казак может пропить все кроме креста, шапки и шашки. Действительно, в царских кабаках запрещалось брать в залог шашку, шапку и нательный крест. Но происходило это по иным, гораздо более древним и серьезным причинам.

Средневековье – время символов, и эти три детали: крест, шапка и шашка (или еще раньше сабля) составляли символы особые и потому неприкосновенные.

Нательный крест – символ того, что его обладатель – христианин. Я был свидетелем, как в 1962 году казак новобранец, пришедший служить в армию, был поражен тем, что по уставу того времени, солдатам крест носить запрещалось. Чтобы не остаться без креста, он раскалил его докрасна и приложил к груди. Офицер, бывший при этом, видя, как раскалённая медь прожигает шипящую кожу до кости, лишился дара речи. Солдату были готовы приписать «психическую статью», поскольку представить, что в «эпоху развернутого строительства коммунизма» может сохраняться иное мировоззрение, трудно. Парень же сделал это не для того, чтобы показать свою терпеливость или противопоставить себя начальству. В его староверческом мировоззрении имелось точное, не подвергаемое сомнению клише: снявший крест – обречен. Если хотите, он сделал это из страха. Только не надо путать этот страх с трусостью. Это высочайший страх – страх Божий – страх потерять душу, а говоря языком современным, страх перестать быть человеком и личностью.

Второй важнейший символ – шапка. В пушкинской «Полтаве»:

Казак на север держит путь.
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.
Как скло булат его блеснит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца,

Булат – потеха молодца,
Ретивый конь – потеха тоже,
Но шапка для него дороже.
За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат.
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.
Зачем он шапкой дорожит!
Затем, что в ней донос зашит
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Трудно спорить с Пушкиным, но у нас разные задачи: он пишет о Петре, я – о шапке. Так вот, в описываемом случае не потому дорога шапка, что в ней донос (это только, увеличивает ее ценность), а донос зашит в шапку потому, что отдать шапку и без документа, без доноса, казак мог только с головою.

По всей средневековой Руси обширной смертельным оскорблением для замужней женщины было «опростоволосить» ее – сорвать головной платок. Помните, именно за это преступление купец Калашников убил опричника Кирибеевича. При наказании плетью, палач, прежде всего, срывал с преступницы платок. Большим позором было замужней женщине показаться не только перед гостями, но даже перед собственным мужем без повойника. Для мужчины, для казака таким смертельным оскорблением была сбитая или сорванная головы шапка.

Это отношение к шапке, к папахе до сих пор осталось на Кавказе среди казаков и горских народов. Сбитая с головы шапка была вызовом на поединок. Брошенная «оземь» означала, что в предстоящем споре он ставит заклад свою голову, «отвечает головою», то есть цена проигрыша – жизнь.

Единственно на казачьем кругу Есаулец мог напомнить, что положено перед Кругом держать речь, обнажив голову. Он же мог вырвать шапку из рук выступающего и нахлобучить ее и голову, что означало: говорящий лишается слова. Шапки снимали на молитве и в церкви все без исключения. Даже вор спасаясь и полицейский в погоне за ним, влетев в церковь, снимали шапки.

Так что же символизировала шапка, что означала она? В первую очередь, принадлежность владельца к казачеству. Это значение фуражки или папахи сохраняется и сегодня. Лампасы не носили последние лет тридцать-сорок, а фуражки, и папахи, неизвестно где шитые, существовали всегда.

Шапка играла очень большую роль и в гражданской жизни казака, и в семейной. Она была символом юридических прав главы рода, главы семьи.

У нее было особое место в убранстве казачьего куреня. По числу фуражек в прихожей можно было судить, сколько казаков живет в этом доме, сколько объединено в семью.

Фуражки или папахи без кокард формально принадлежали казакам нестроевых возрастов. Но этот обычай почти никогда не соблюдался, может, потому, что казачата хотели казаться старше, а старики – моложе!

Проверить догадку о числе мужчин в доме можно было, войдя в горницу, где на ковре висели шашки – символ казачьего совершеннолетия, полноправия и наличия земельного надела.

Фуражку убитого или умершего казака везли домой. Казак, привезший страшное известие о гибели сына, мужа, отца, обнажив голову, слезал с коня у ворот осиротевшего дома, доставал из переметной сумы простреленную или изрубленную фуражку и молча проходил мимо остолбеневших от горя родных в горницу, где клал головной убор на полку перед иконой.

Это означало, что защитника в доме больше нет, что защита этой семьи препоручается Богу и христианам.

В поминальные дни и в Родительскую субботу перед фуражкой ставили стопку вина и прикрывали куском хлеба, /«ром хлеб скрашивали воробьям, а вино выплескивалось в огонь очага или выливалось в реку с поминальной молитвой.

Когда хозяина не было дома, старик или атаман, войдя в горницу и перекрестившись, усаживались без приглашения, говоря хозяйке: «Сбегай-ка, покличь свою...». В доме вдовы, где под иконой лежала фуражка, ни старик, ни атаман не смели без разрешения переступить порог горницы, говорили тихо и обращались к вдове либо по имени и отчеству, либо ласково: Катенька, Егоровна-голубушка...

Если женщина вторично выходила замуж, то ее новый супруг после венчания фуражку прежнего хозяина убирал. Тайком, в одиночку, нес фуражку к реке и опускал ее в воду со словами:

Прости, товарищ, но не гневайся,
Не грехом смертным, но честью взял я
Твою жену за себя, а детей твоих
под свою защиту.
Да будет земля тебе пухом, а
душе – райский покой...

Фуражка или папаха играли большую роль в обряде сватовства. У кубанцев и терцев бытовал обычай – кинуть шапку в окно или во двор девушки, естественно, у нее на глазах, и если девушка тут же не выбрасывала папаху на улицу, вечером он мог придти с отцом или крестным. Гости говорили:

– Люди добрые, не прогневайтесь, парень-то мой шапку потерял, вы, часом, не находили!
– Находили, находили... – отвечает отец невесты, – вон на шубницу повесили, чья отыщется – нехай, возьметь.

Это означало, что сватовство не состоялось – родители невесты – против. На это сват мог возразить, мол, вещь не наша. Мы, свою, искать станем. И это означало, что между девушкой и парнем есть сговор, и жених будет пытаться ее украсть.

Несколько испугавшись такого поворота событий, отец девушки кричал:

– Эй, Марьяна! Ну-ка, поглянь тамо, ды подай сюды папаху, чья-й та она у нас!

Если девушка приносила шапку и клала ее на стол доньшком вниз, это означало, что она за парня идти согласна, и родители рискуют опозориться, потерять дочку и оскорбить будущего зятя,

Если папаха ложилась на стол доньшком с крестом вверх, это значило, что вопрос о женитьбе с девушкой не согласован, Это собственные фантазии неудачливого жениха.

– Ну-ко, прикинь! – приказывал строго отец или крестный жениху.

– Ну вот! – радостно говорил отец невесты. – Твоя папаха-то! Носи, милай, на здоровье и боле не теряй!!! Таки нонеча пошли казаки рассеяны, у нас этих папах чуть не полдвора накидано!

На улице папаха частенько слетала с головы неудачника от крепкого отцовского подзатыльника,

Очень близкий обряд был у казаков Верхнего Дона, но об этом в главе «Сватовство».

Но вообще папаха была предметом поклонения не случайно. На старинную шапку частенько нашивали образок или за подкладку зашивали какую-нибудь священную реликвию, поэтому в степи, на войне, в походе казак ставил на какую-нибудь возвышенность, на холмик или на воткнутую в землю шашку, шапку и молился на сияющий на ее челе образок. После раскола, происшедшего в России (следует помнить, что очень многие казаки были старооб-

рядцы, то есть никоновских реформ не признали), появилась традиция зашивать староверческие образки в шапку, под кокарду или над нею.

Я сталкивался в армии с тем, что солдаты-казаки тайком зашивали иконки (часто бумажные, купленные в ближайшей церкви) в пилотку или фуражку. При этом они могли быть и неверующими, но традиция сохранялась.

– Отец сказывал, – говорил мне один казак, сержант ВДВ, – Его полчанин нашел иконку, в шапку матерью зашитую, да и выкинул, так на другой день в это место, где иконка была, осколок ударил, так все мозги и выметнул... А отец мой не выбросил. И хоть израненный весь, а жив остался.

Принятый в русской армии закон о нашивании на шапку наград за массовый героизм еще более увеличил ценность головного убора. На казачьих папахах можно было увидеть латунные значки «За храбрость», «За Шипку» и т. д.

В средние века атаман носил особую высокую шапку – «трухменку», (туркменку – тельпек? прим автора), которая ему не принадлежала, как и красный кафтан особого покроя из дорогого материала. Шапка была знаком его атаманства и принадлежала казачьему обществу.

Два обычая, говорящие о высокой роли шапки в гражданской жизни казачества, сохранились до сих пор. Первый обычай связан с ритуалом казачьего круга. При выборах атамана, каждый кандидат или каждый выступающий, выходя в круг снимает шапку. Если кандидатов несколько, то все они при выдвижении сидят без шапок. Вообще-то, обычай обнажать голову означает покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение воле другого, (того, кто в шапке). Все остальные казаки круга оставались в головных уборах. Но как только атаман – выбран, роли менялись. Атаман торжественно надевал атаманскую шапку, а все казаки без исключения снимали головные уборы. С этой минуты признавалась воля атамана над их головами.

Второй обычай связан со свадьбой. Молодые, выходя из церкви, проходят под тремя «воротами». Третьи ворота образуются от вскинутого рушника, символа семейных обычаев. После того, как над головами только что обвенчанной пары взлетел белой аркой длинный рушник, на них обрушивался дождь зерна, мелких монеток и конфет в бумажках.

Перед третьими воротами были вторые: два казака держали над головами новобрачных снятые фуражки или папахи. Так это и называется – пройти под фуражками, что означало наделение семьи и всего потомства юридической (как бы мы сейчас сказали) защитой, всею полнотой законных прав, которыми охранялась семья. И первыми воротами, под которыми проходили молодые, сразу выйдя из дверей собора или церкви, были ворота из двух обнаженных клинков. Называлось это «пройти под шашками».

Казачьи символы и знаки

Знамя—символ полкового, войскового объединений. Святыня, за которую казак обязан биться, не щадя жизни, не допуская его оскорбления или осквернения. Первоначально у казаков было символом договора на выполнение каких-либо обязательств с иностранными государствами. После выполнения таких обязательств знамя поступало в собор или церковь, игравших роль музея.

Бунчук—знак Ставки, символ Атамана на походе, принадлежал войсковому соединению, на походе и в бою следовал за командующим. В мирное время хранился в церкви, выносился только по праздникам, как подтверждение его значимости и присутствия атамана. В армии часть функций бунчука унаследовали полковые и именные штандарты.

Булава, пернач – символ военной власти, которой наделяется Атаман (у запорожцев—гетман).

Насека— атаманский посох с металлическим навершием, на котором первоначально “насекались” имена атаманов, владевших насекою. Символ гражданской власти атаманов всех степеней символ их “отцовства и пастырства” над казаками.

Атаманский кафтан и шапка—принадлежали казачьей общине передавались вместе с символами атаманства. Хранились у очередного Атамана или в Атаманском правлении. (У донских казаков в древности кафтан красный или парчовый, шапка черная больше по высоте обычной папахи.)

Печать—на рукояти или на перстне, вручалась атаману при выборах. Символ хозяйственной и дипломатической функций атамана. Ею скреплялись все документы. Принадлежала общине и передавалась от атамана к атаману.

Сабля—обычно украшенная, старинная тоже один из символов атаманства. Лично ему не принадлежала, а была у него на хранении на время правления. Могла храниться в церкви и надеваться на Круги и по праздникам.

Медаль – личный знак атамана, носилась на шее, поверх галстука и выпускалась на кафтан в раскол ворота. На лицевой стороне бывали надписи: “Атаман станицы...”, впоследствии портрет Государя. На оборотной стороне гравировалось Имя и Фамилия Атамана и годы его правления. После исполнения срока атаманства оставалась бывшему атаману на память. В случае вторичного избрания носилась рядом с новой. Медали бывали золотые и серебряные в зависимости от степени атаманства. Медаль меньшего размера носил товарищ атамана.

Честно говоря, я про такие медали только слышал и ни одной не видел. Но на старинных фотографиях большинство атаманов с медалями именно такими на шее. Это либо почетные награды, либо знаки станичных судей.

Чернильница—знак Писаря. Медная с ушками, носилась привязанной к поясу. В XIX в., когда писарей стали нанимать, исчезла из обихода. На смену этому знаку пришла Книга.

Казна—железный ящик, ларец с казною—знак казначея. В строевых частях – полковая казна – железный плоский сундук на котором стоял часовой у знамени. Там хранились полковые деньги. В станицах, ближе к нашему времени, тоже замененный Книгой.

Книга—тетрадь для записей в твердом кожаном переплете. В момент Круга, каждый член Атаманского правления должен был держать свою тетрадь. Главная тетрадь, т. н. Атаманское писание или Закон, была собранием протоколов, где в случае спора можно было отыскать юридический прецедент. Все сохранялись в Атаманском правлении и Архиве.

Нагайка – В повседневной жизни знак власти у полноправного строевого казака. В некоторых станицах нагайку разрешалось носить только женатым. Дарилась зятю тестем на свадьбе и висела в курене на левом косяке к двери в спальню. Как знак полной покорности и уважения могла быть брошена к ногам уважаемого гостя или старика, который был обязан ее вернуть, а бросившего расцеловать. Если старик через нагайку переступал, это означало, что покорность ему не угодна, и обида или грех провинившегося не прощен.

Уставная нагайка предназначалась только для управления конем и отдаленно не напоминала т.н. боевые нагайки ведущие родословную от кистеня и подпадающие под статью УК РФ – дробящее оружие.

Шапка—не всякая, а специального покроя и вида, в каждом войске своя. Первоначально “Клобук со шлыком”, папаха, а затем фуражка—знак обладания казаком юридическим полноправным. В XIX веке функции “Клобука” перешли сначала к киверу, а затем к фуражке. Казаки нестроевых возрастов обязаны были носить фуражку без кокарды, но это повсеместно нарушалось. На Кругу казак обязан был быть в шапке. Иногородние и гости не казаки должны были присутствовать с непокрытыми головами, равно как и не имеющие юридических прав казачества. Снималась во время молитвы, присяги и выступлений на Кругу. Шапка, сбита с головы, была вызовом на поединок. В курене красовалась на видном месте. В доме вдовы лежала под иконой, что означало, что семья находится под защитой Бога и общины.

Шашка, первоначально сабля, кинжал у кубанцев и терцев—символ всей полноты прав у казака, а также обладание паевым земельным наделом. Вручалась казаку стариками в 17 лет (за особые заслуги раньше), без темляка. В 21 год при отправке на службу казак получал погоны,

кокарду и темляк. В церкви, в момент слушания Евангелия, шашка обнажалась наполовину, что означало готовность казака стать на защиту христианства. Сохранялась в семье на видном месте. Передавалась от деда к внуку, когда “старик терял силы” и менял шашку на посох.

Если в роду не оставалось наследников, шашка ломалась пополам и укладывалась в гроб умершему.

Шашку, кинжал и шапку казак мог потерять только вместе с головой.

На кругу голосовали шашками. Не обладающий полноправием шашку носить не смел. По решению Круга казак мог быть лишен права ношения оружия на срок. Следующим наказанием было исключение из станичного общества.

Нынче возник новый “вид спорта” т.н. фланкировка. Допускаю, что когда то это было национальной частью казачьего фехтования, хотя шашкой особенно не пофехтуешь. Учили рубке, а это совсем другое дело. Скорее всего, это в прошлом было частью казачьего танца. А вот чего никогда не было – женской “фланкировки”. Казачка в случае крайней необходимости подавала мужу, сыну, брату оружие на фартуке, избегая прикасаться к нему голой рукой. “Сталь мясо ела – рожать не будет” – говорили старушки и укоряли таких “отбойных девиц” – “Им что заняться нечем?! Куда её родители смотрят! Так дале пойдет – казаки будут за пальцами сидеть да крестиком вышивать!”

Бывало, в исключительно редких случаях, женщины шли в армию – на них смотрели как на “решенных” – то есть уже как бы и не женщин, да и они сами считали себя отказавшимися от женской судьбы, считая свой выбор подобием монашеского служения.

Казачки умели стрелять, скакать верхом и т.п. бывало, но в этом они как правило были самоучками, и станичниками хотя и принималось, но, заглазно, не одобрялось.

Погоны— введены в 1801 году, как неотъемлемая часть одежды казака строевого возраста. Обязательно носились казаком до выхода “на льготу”. Офицерские погоны, галуны и шевроны иногда разрешалось носить пожизненно.(8)

Башлык—у большинства казаков тоже наделен символическим значением. В зависимости от того как повязывался башлык, можно узнать возраст казака—завязанный на груди означал, что казак отслужил срочную службу, переkreщенный на груди—следует по делу, концы, заброшенные за спину—свободен, отдыхает.

Посох (байдик) —символ старости и мудрости. Члены совета стариков все сидели, опершись на посох. Посохами наделялись судьи, ходатаи по делам церковной общины, паломники. Поднятый посох означал призыв Круга к молчанию. Шапка, поднятая на посохе—особо важное сообщение.

Серьги (у мужчин)—означали его роль и место в роду. Единственный сын у матери носил одну серьгу в левом ухе. Последний в роду, где нет кроме него наследников по мужской линии —серьгу в правом ухе. Две серьги—единственный ребенок у родителей и последний в роду. Кроме символического, сакрального значения языческого древнего оберега, серьги играли и утилитарную роль. Командир при равнении налево и направо видел, кого следует в бою победить. Существовали наградные серьги. Например, Георгиевская серьга, которой награждался Полный Георгиевский кавалер за очередной подвиг, совершенный уже при наличии Полного Банта. Георгиевская серьга вручалась по решению совета георгиевских кавалеров.

Сколько досужих “историков” цеплялись своими замечаниями: мол, где это написано? Может, где то и написано – не искал. А вот на старинных фотографиях именно так. Да мне и особенно искать не нужно. Еще в дошкольные годы мне прокололи левое ухо и по станице, я щеголял в “заковке” – маленьком колечке, к которому должны были по торжественным дням пристегивать парадную, праздничную серьгу. Ни разу не пристегивали, хотя такая серьга хранилась у бабушки в коробочке. В городе я, конечно, заковку снимал. А годам к сорока и след на мочке левого уха у меня зарос...

Кольцо—мужчины- казаки, как правило, колец не носили. Это—женская символика. Серебряное кольцо на левой руке—девушка на выданье. На правой—просватана. Кольцо с бирюзой—жених служит (бирюза—камень тоски). Золотое кольцо на правой руке—замужняя, на левой—разведенная (развод у казаков существовал всегда). Два золотых кольца на одном пальце левой руки – вдова (второе кольцо умершего мужа) Хотя, будучи казаком и получив кольцо при венчании, он на руке его не носил. Иногда носили в ладанке, чаще на гайтане вместе с крестом.

Старики

Хранителями обычаев всегда оставались старики. Не занимая никакой официальной должности в структуре казачьего самоуправления, они всегда играли громадную роль в общественном мнении, которое и было основой казачьей демократии. Без одобрений стариков ни одно распоряжение атамана или Правления не выполнялось.

При словах «старики сумлеваются» или «дяды не велять!», вопросы отпадали сами собой.

Принимая какое-либо решение, Атаман обязательно советовался со стариками и заручался их поддержкой. Таким образом, не обладая никакими юридическими или законодательными правами, старики были памятью и совестью станицы и играли в ней значительную роль.

Обычно «в старики» выходили по заслугам и по возрасту. Это были люди в большинстве своем старше 61 года. (5) Именно к этому времени казак бывал уволен от службы и освобожден от всех войсковых повинностей, и по выборам на сходе не числится отставным казаком, т. е. освобождается и от денежных повинностей. Как правило, это казаки из крепких патриархальных исправных зажиточных семей, с достатком, где в их труде не нуждались, или заслуженные воины, жившие на пенсию.

Они составляли род законодательного собрания и службу постоянного наблюдения за жизнью и нравственностью станицы, воспринимая собственное свое положение как продолжение казачьей службы Богу и Отечеству, под которым подразумевались в первую очередь станичники или родные хуторяне, т. е. станичное общество.

Служба стариков состояла в том, что с рассвета до заката, когда на станичные улицы выходил караул, они при хорошей погоде сидели на майдане на специальной скамье у церковной ограды, а в ненастье и зимой – в станичном правлении.

Внутреннее распределение обязанностей среди постоянного состава стариков никак не оговаривалось и устанавливалось само собой.

Поскольку служба стариков требовала полной самоотдачи, то немощные или неспособные от нее сами устранились. Таким образом, совет стариков действовал постоянно и непрерывно. Во время войны некоторые старики уходили из собственных домов и ночевали либо в станичном правлении, давая отдохнуть караульным, либо в церкви, где, сменяя друг друга, непрерывно молились. Занять место на скамье у церковной ограды мог не любой старик преклонного возраста, а только «дельный и толковый». Когда старик совсем слабел, он приходил изредка, встречаемый всегда с уважением и как равный. Скамья была небольшая, но до старости у казаков доживали только очень удачливые мужчины...

В приграничных станицах во время нападения на станицы врага старики оставались на майдане, координируя боевые действия защитников, вселяя уверенность в победе своим невозмутимым спокойствием. Поскольку майдан и церковь находились в центре станицы, то при нападении старики погибали в числе последних защитников, как правило, в церковном алтаре, защищая святыню. Не отступали и не покидали станицу или хутор никогда. Так, старики нескольких станиц ушли на дно Цимлянского водохранилища, не покинув скамьи на майдане.

Во время репрессий Гражданской войны красные расстреливали стариков в первую очередь, таким образом, сразу лишая станицу памяти, совести и веры...

Старики пользовались заслуженным уважением и искренней любовью. Они особенно щепетильны были в одежде, всегда опрятной и исправной. Приметой старика был посох, который являлся символом его положения. Старик обязан был быть приветлив, немногословен, значителен. Как правило, старики не курили вообще, и никто не мог закурить ни рядом с их скамьей, ни в церковной ограде.

Передвигались старики по станице мало, памятуя, что течение реки понятнее тому, кто неподвижно стоит на берегу, а не бежит за водою. В гости друг к другу ходили редко. Совместные отмечали только особо значительные даты. Поэтому, если по улице шел человек, опираясь на посох, ему уступали дорогу даже вооруженные казаки, ибо он, скорее всего, следовал по делу или по просьбе Атамана.

Общение со стариками требовало определенного знания правил вежливости. Младший никогда не обращался к старшему без предварительного разрешения. Без разрешения стариков не мог сесть даже Атаман. При них казаки строевых возрастов, при погонах, стояли по стойке «смирно», молодежь нестроевых возрастов и без формы – сняв шапку.

На майдане старики привставали со скамьи только тогда, когда мимо них в церковь проходил священник или полный Георгиевский кавалер. Атамана и наиболее уважаемых людей приветствовали, приподнимая картузы.

Сесть на их скамейку мог только Атаман, что означало его желание что-то спросить у стариков или обратиться к ним с просьбой.

Часто совершали они своеобразные инспекционные посещения бедных, неблагополучных семей. Могли прийти в дом к богатому казаку с тем, чтобы попросить помощь для вдовы или средства на поддержание какого-нибудь предприятия, снимая с Атамана эту необходимую, но неприятную для него обязанность.

Особое отношение было у них к детям. Так, наиболее смышленного паренька не старше 10 лет они могли пригласить «посидеть с ними на лавочке» несколько часов или день. Это бывало своеобразной наукой и означало, что старики видят в этом казачонке будущего хранителя обычаев. Часто экзаменовали детей на знание молитв, расспрашивали, как дела в школе. И если бывали, удовлетворены ответом, то одаривали ребенка каким-нибудь нехитрым угощением или игрушкой: куском сахара, яблоком, конфетой, свистулькой или волчком.

Гостинцы эти брались, как правило, из того, чем одаривали стариков проходившие мимо казаки,

– Вот, господа старики, не побрезгуйте моим яблочком или пряниками, – говорил казак, неся фрукты или овощи от первого урожая в церковь. Старики всегда брали, благодарили, гостинец нахваливали, но сами не ели, а тут же раздаривали детям.

Старики могли взять деньги от казака, желающего «дать на бедных». И сами решали, кому из малоимущих или какой вдове, деньги передать. В бедные семьи без гостинца не ходили.

Приход старика бывал всегда событием: либо радостным, либо строгим предупреждением, после которого обычно следовал вызов к Атаману и наказание, в случае, если провинившиеся «прихоти свои, глупства и химеры» не оставляли.

«Отобедать» старики всегда отказывались, изредка соглашались, в знак особого расположения, выпить чаю, что для старика было поводом по мельчайшим приметам удостовериться, сыты ли дети, не обижают ли сироту, взятую в дом, и т. д.

Старики могли усовестить и устыдить. Они же могли ходатайствовать перед Атаманом о выдаче в ту или иную семью ссуды или иной помощи. О замечании, полученном от старика, ребенок был обязан тут же сообщить родителям, а взрослый – Атаману или священнику на исповеди.

Субординация выдерживалась строго. В мирное время возраст играл большую роль, чем воинское звание на войне и в службе.

Спеть песню или вылить вина старик мог только в окружении своих погодков и никогда с младшими, если это специально не оговаривалось, как поощрение молодым. Обуславливалось это еще и тем, что старики строго соблюдали все посты, а многие придерживались монашеского чина и не ели убоины вообще.

В собственном доме они бывали несколько удалены от семьи. По возрасту, они могли быть прадедами, но хотя правнуки их обожали, сами старались своею стариковской любовью детей не обременять. Жили особняком в отдельных комнатах или углах, питались отдельно, в семейные дела старались не входить, обременяя женщин только тем, что после бани сдавали им свое белье, получая чистое. Когда старик умирал, в траур погружалась вся станица. При несении гроба под левый угол становился Атаман, под правый – следующий за ним чин, чаще всего станичный писарь, или офицер, георгиевский кавалер и т.п.

Чаще всего, старики имели георгиевские кресты или иные боевые награды, тогда гроб несли только георгиевские кавалеры, часто для этого приезжавшие из других станиц и хуторов.

Патриарх в доме жил на положении уважаемого, почитаемого постояльца, главою же семьи был Сам – тот, кто считался старшим – так сказать, «действующим» главою рода. На нем, собственно, держалось все хозяйство и материальное благосостояние семьи. На положение старика он переходил либо по возрасту, либо овдовев.

Распределение ролей в семье становилось ясным уже из того, как семья усаживалась за праздничный стол.

Застолица

У окна, ближе к образам, или под образами в красном, переднем углу, в торце стола сидел глава семейства, старик, человек на возрасте. Справа от него под образами – САМ – хозяин, отец семейства, который почтительно ухаживает за старшим в роду. Обычно старик съедает что-то и уходит к себе или вообще не садится к столу. В этом случае обедать ему подают в «келий», в его каморку. Тогда слева от Самого сидит уважаемый гость или гости. Далее справа и слева, вдоль стола, по убывающей: старшие сыновья, средние сыновья, младшие сыновья. В некоторых случаях, по правой стороне – сыновья, по левой – зятья. (сыновья подчивали родителя, он – с правой руки угощал зятьев, или сватьев – отцов зятьев, почетных гостей). Затем старшие дочери и снохи, средние дочери, младшие, внуки, замыкает стол Сама – жена хозяина, рядом с нею «баушки» и старшая «баушка» – престарелая мать хозяина дома или теща и гости – родственницы хозяина и хозяйки.

С этого конца, который в бедных домах ближе к печке, а в зажиточных – к кухне, подается еда, здесь женщины могут вставать и убирать посуду. В верхнедонских казачьих родах и на Урале, мужчины и женщины сидят по разным сторонам стола, по возрастной убывающей, против друг друга, но никогда рядом.

Следует заметить, что большинство казаков разные войска всегда ели из своей посуды, хотя, в старые времена, особенно в поселенных войсках или в станицах и хуторах, ближайших к России, встречались семьи, где обедали из одной миски. И в таких случаях подавались две разные посуды – для мужчин и для женщин с детьми.

Еда разносилась или передавалась по столу следующим образом: Самому – отцу. Он ставил тарелку перед стариком, затем – перед гостем или перед тем, кого хотел отметить и почтить. Например, могло быть так, что отец первую тарелку ставил перед младшим, сыном или внуком, который в этот день отличился.

После того, как еда была расставлена, Сам призывал к молитве. Иногда читал ее он, но чаще поручал кому-нибудь из младших детей.

– Гриша читай! – или – Ванюша – читай!

Молились стоя, крестились на образа, заканчивали «обеденную» молитву общим вздохом «Аминь». Сам разрешал садиться и разрезал каравай хлеба, раздавая ломти.

Оброненный кусок хлеба следовало поднять, поцеловать, прочитать молитву или сказать «Господи, прости!».

Обычно за столом, даже за праздничной трапезой, ели молча. В Великий пост во время обеда читалось Писание. Обычно читал старик или кто-то из детей. После обеда читалась благодарственная молитва, подавался чай или на юге Дона – кофе. После благодарственной молитвы за столом разрешалось разговаривать, поскольку это уже считалось не обедом, а угощением. Этот обычай соблюдался строжайшим образом, причем, чем проще и беднее была семья, тем в большей чистоте соблюдался чин застолья. Только невежа мог начать есть прежде, чем опустит ложку в еду Сам, независимо – его это тарелка или общая миска.

При еде из общей посуды соблюдался принцип старшинства. Ели в два приема: сначала «юшку», затем по стуку старшего о край посуды разбирали мясо и овощи («гушу таскать»). Ложку ко рту несли, не торопясь, подставляли снизу ломоть хлеба.

Того же порядка придерживались в армии, где ели, в основном, из общей посуды. Особо ели кашу – по кругу, забирая ложкой с краев, где она успевала остыть.

Старообрядцы, в казачьих полках получали разрешение есть из своей посуды, им разливали первыми. Они же и в гости ходили со своими чашками и ложками. А дома гостям подавали еду в специальной «поганой» посуде. Кстати, это слово не оскорбительное. «Паган» полатыни означает «другой веры». Казаки были чрезвычайно веротерпимы. Потому гость усаживался за стол рядом с хозяином независимо от того, какой он веры. И если в дом бывал зван мусульманин или еврей, то в этот день старались не готовить блюд из свинины, чтобы не ставить гостя в неудобное положение.

Праздничная застолья строилась тем же порядком, с той только разницей, что столов накрывалось больше и гости сидели вперемешку с хозяевами. Два принципа соблюдалось строжайше: женщины – отдельно от мужчин, и по – старшинству. Для молодежи ставился отдельный стол, причем имелась в виду только мужская молодежь, незамужние девушки сидели рядом с матерями и тетками. «Пили редко – на престол и на ярмарках. Молодежь не пила, ей денег не давали».(Л.Н. Нечаева). На столе перед молодежью никогда не было ни вина, ни пива. Кстати, бутылка на столе – это не казачий обычай! Вином в застолья «обносили». Отсюда разница, звучащая в словах «поднос» и «разнос». Поднос несут одной рукой, а разнос – это огромный поднос с двумя боковыми ручками, который двое казаков носят вокруг стола или позади свадьбы. Они же разливают вино. Бутылки (несколько штук) стоят на столе только перед Самим, который собственноручно наливает уважаемым гостям, передает бутылки старикам и командует, когда обносить. Таким образом, строго регулировалось количество спиртного. О вине следует сказать особо, поскольку у казаков существовала древнейшая культура вина и винопития, обусловленная не только обычаями, строго регулируемая различными запретами, но и осознанная философски. От застолья, где собиралась вся семья или даже весь род, отличалась беседа.

Беседа

Беседа – особый род празднования. Бывали мужские и женские беседы, на них собирались, в основном, ровесники, односумы, как назывались у казанов сослуживцы. Были беседы, на которые собирались молодые казаки, если один из них собирался жениться; были беседы жалмерок и вдов; были беседы стариков. Как правило, мужские беседы проходили летом в степи или саду. Женские – в саду или горнице. Если первые – как бы вдали от семьи и дома, то вторые – только под прикрытием чувала, а то и при затворенных ставнях.

На беседу вскладчину покупалось вино и закуска, выбирался называемый в шутку «гулебный атаман» – заводила. В помощь ему гулебный есаулец и кошевой-виночерпий. Это был как бы «Казачий круг» но шуточный, хотя и он позволял соблюдать порядок. Гулебный атаман – заводила следил за порядком, предоставлял слово, гулебный есаулец следил за порядком, а кошевой разливал вино и выдавал закуску.

Беседа молодых казаков всегда была посвящена какому-нибудь определенному событию, скажем, предстоящей свадьбе или полученной на службе награде. Вся беседа проходила в шутиливой атмосфере, причем гулебный атаман сам, как правило, не пил. Во всяком случае, когда все хмелели, он и есаулец оставались трезвыми. Кошевой пил через раз, а пили по команде и чаще всего вкруговую, то есть из одной чарки, которой черпали из ведра. Чарка либо дарилась «обществу» кем-то из казаков, либо покупалась вскладчину. Выдавалась кошевому или атаману, и он обязан был сохранять ее до следующей беседы. Потеря чарки была серьезным проступком, после которого гулебный атаман или кошевой от должности отстранялись – «казну не блюдет». Новая чарка передавалась вновь избранному кошевому. При беседе обязательно пели и плясали. Если кто-то «слабел», ему по общему решению больше пить не давали. Перепивших держали в степи до утра, пока они не высыпались и не трезвели. Или, если вести было недалеко, вели домой задами и огородами. Пьяный казак мог так «ославиться», что могла расстроиться и женитьба. Появление на улице в нетрезвом виде, когда казак не способен был контролировать себя, считалось очень серьезным проступком. Можно было попасть под караул и отлежаться до утра в холодной, что, как правило, кончалось штрафом. Повторный проступок заканчивался поркой.

«Раньше ведь так не пили и не дрались, как сейчас. Тогда гуляют— песни поют, пляшут, а если кто дерется, скандалит, его уже знают. Сразу: «Иди сюда, иди сюда, давай выпьем». И поят, пока он уже не свалится, и тогда лежит и никому не мешает. Раз дядя Василий пошел на игрища, и там задрались. Дед слышит – дерутся. «Ая-яй, ая-яй,– кричат,– драка». Дед встал, берет арапник и пошел. Как дал им там: «Чтоб сейчас домой!» Андрей Венков. "Печать сурового исхода".

Следует особо отметить разницу в наказаниях: если малолетка могли пожалеть и передать отцу, а уж он разбирался со всеми участниками попойки, то взрослый казак обязательно наказывался. Казака наказывали не за то, что пил, считалось, что пришедшие с войны имеют право «гулять», как гуляли и пришедшие со службы, или мобилизованные, а за «появление в неисправном виде на людях».

В стариковской беседе участники могли выпить и спеть только в кругу близких по возрасту, с «годками». Обычно это происходило летом, после Петровского поста, когда в сельскохозяйственных работах бывал небольшой перерыв. Собирались вечером в саду, ставили самовар, доставали небольшой бочонок старой наливки, из которой за всю беседу выпивали по одной две стопки на человека – «за упокой и во здравие». Пили не до дна, при многочисленных тостах. На «веселую беседу», когда собирались попеть, нанимали «дишкаита», молодого казака или казачонка, подголоска. Это считалось работой, и ему платили, как нанятому музыканту на свадьбе.

Женскую беседу обычно устраивали жалмерки – женщины, чьи мужья были на службе, или вдовы. Их «беседы» проходили при закрытых дверях и не поощрялись. Проходили они наподобие мужских, чаще всего приурочиваясь к какой-нибудь дате – именинам или дням поминовения, к святкам или иному празднику.

И если женские беседы вдов не одобрялись, но не преследовались, то пребывание на них девушки или замужней женщины, ушедшей из дома «скоротать вечерок без мужа аль бо родителей» строго осуждалось. Жена, бывала, наказуема мужем, за незамужнюю девушку, кроме нее, «таска» ждала ее мать, крестную, старших сестер и теток и всех, «кто ведал, да потакал!»

Праздников было много. Праздники – обязательная часть быта. Все праздновались по-разному, включая разные обязательные кушанья. Каждый праздник строился по особому ритуалу, который требует специального описания, так как в нем ярко отражались взгляды и характер казаков. Но общая обязательная черта всех праздников и «гостеваний» – они никогда не отмечались в одиночку, но обязательно в кругу родни и сослуживцев-однополчан. Очень редкие праздники отмечались отдельно юношами и девушками (девичники, посиделки и т. д.).

Общим правилом оставалось, что семейные люди поодиночке, даже к близкой родне, в гости не ходили, хотя там, в гостях, друг с другом почти не общались: женщины сидели и разговаривали с женщинами, а мужчины – с мужчинами.

Казачи очень серьезно относились к собственному достоинству и боялись оскорбить достоинство других. Этим и обуславливалось, например, то, что мужчины и женщины за столом сидели отдельно и ровесники не против друг друга.. Чтобы подвыпившие казаки не «глазели на чужих жен» и не рождали ревность в своих односумах, с которыми им, может быть, завтра предстояло рядом умирать. Люди военные, привычные к бою, казаки и сегодня горячи и скоры на руку... Потому прежде и даже на войне, при всех встречах за столом положено было снимать личное оружие и оставлять его в прихожей под присмотром часового. Это относилось даже к заседаниям казачьих штабов или обедам офицеров.

«Проснется день души моей» рассказ

Древний, треснувший от молнии, прогнивший внутри, корявый и кривой, стоял перед нашими окнами тополь. Старики, сидевшие на майдане, давно обсуждали: какую часть курения он разнесет, когда повалится от старости. Корни тополя, как неряшливо разбросанные канаты, норовили влезть под фундамент, а на грядках глушили все, что сажала мать, жадно копаясь в земле в короткие дни отпуска.

– Эх, – вздыхала она, – срубить бы его. Все перекопать и насадить палисадник: для красоты подсолнухов, мальвы... помидоров бы грядочку...

– Да зачем помидоры : На базаре полтинник – ведро – бурчал я, понимая, что ни в помидорах дело, а в том инстинкте сеяния и взращивания, который томит нас в городах, заставляя зимой любоваться худосочным луком на подоконнике, а весной жадно вдыхать сквозь бензиновую гарь запах распускающихся листьев.

И вот я решился. В очередной свой приезд вытащил из погребицы пилу, топор и накинулся на нелепое разросшееся старое дерево. Планы у меня были грандиозные: очистить палисадник и сад за домом, выкорчевать все старые яблони и заменить их новыми невиданных в станице сортов.

Нельзя сказать, чтобы прежде не держал я топора в руках. Рубил я и просеки, и даже бстроил дом в пору моих геологических странствий по Северу. Но одно дело сосна или даже лиственница и другое наш степной карагач. Через три часа топор слетел с топорница, я валился с ног, а зарубка на необъятном стволе была не более двух моих ладоней.

Старики перекочевали с майдана на скамеечку напротив нашего дома и молча наблюдали за моими подвигами и страданиями.

– Прямо как железный! – сказал я им, утирая пот и желая как то разрядить их трехчасовое молчание.

– Табе с им не совладать! – астматически задыхаясь, сказал старик по прозвищу Балабон, – эта надоть пилу «Дружба»...

– И топор «Любовь», – зевнув от скуки, добавил старик Кудинов.

– В шешнадцатом годе, – начал старик Ясаков, как всегда плача изрубленной стороной лица. У него не было глаза, но из розового шрама постоянно текли слезы. – В шешнадцатом годе, послал мене станичный атаман паром чинить...

– Атаманы были ваши – дышать не давали! – просипел, перебивая его Балабон.

– Зато нонь ты дышишь – асма поганая! – плюнул в пыль старик Кудинов. – Невежа!

Балабон закипел, замахал руками. Старики начали ругаться.

– Что с табе взять? Обычая ты, кацапская морда нашего не ведаш..... Видать на службе то тебе комиссары твои ума не вложили. Пербиваишь...

– Да – добавил дед Рыкавсков, – Попил ты нашей кровушки, комбед хренов. А нонь ты, как и мы, пенсионер и нужен ты власти своей как шобол брошенный...!

Сколько я себя помню, старики ругались с Балабоном, изгоняли его с майдана, но утром он являлся, как ни в чем не бывало.

– Не с того конца бересси... – заметил старик Григорьев. Он вел внуков из детского сада. Их у него было не то восемь, не то десять. И он их все время сам нянчил. Рядом с ним всегда было двое – трое карапузов, которые сидели у него на руках, цеплялись за галифе или, опасливо, выглядывали из-за ног.

– Че ты его учишь? – старики переключились на Григорьева. – Он тебе спрашивать?

– Каждый казак – царь в своем дворе! Ня лезь!

– Ну, срубишь – не унимался Григорьев. – А пень куды?

– Да он старый, гнилой весь, трактором подцеплю...

– Корни подкопать надоть! С корней умны то люди корчуют...

– Стый мовчки! – цыкнул Кудинов на Григорьева. – Ен образованнай! А ты яво учишь! Сказано: не учи – пока не спросят. Може, он лучше знает, что да как...

– Ох, – вздохнул Григорьев – Хоша ты, Борюшка, с бородой, а умишком молодой! Все на силу берешь! На «давай-давай», по-советски! Вот состарисси – на ум брать научисси.

До конца отпуска бился я над проклятым деревом. Сначала валил, потом разделявал, потом складывал дрова. Потом чинил чувал, поскольку, падая, ствол разворотил полдвора.

И все это время старики молча глядели мне в спину.

Я сатанел, постоянно чувствуя на себе их взгляды, будто я на сцене, а они – зрители. В последние дни они даже между собой не переговаривались, а только смотрели и молчали.

– Ну вот! – сказал я, прощаясь со стариками, и гордо оглядывая палисадник, раскорчеванный и перекопанный, как под английский газон. – Теперь порядок!

– Конешна, – согласились старики – Теперь можно в футбол гонять.

– Я тут такое посею!

– Етта ишо дожить надоть!

– Сеять не родить – лучшее погодить...

– Зямля не девка, яи дуриком не возьмешь.

– И что ты заботисси? Табе в городе жалование ить не от земли идеть?

– Булку то, нябось, в гамазине купиашь?

С тем я и уехал.

Всю долгую осень и зиму я томился и мечтал, как приеду в родной хутор и возьмусь за посадки. Мне даже снилось, как я сажаю сад. Каждый солнечный день заставлял меня сворачивать все дела и считать часы и дни, когда поезд унесет меня на Дон.

Хутор встретил меня так, будто я и не уезжал. Только Балабон помер. Помер бестолково суетно, как и жил. А другие старики все так же сидели на скамеечке у церковной ограды, как раз напротив правления колхоза, в стеклянных современных стенах которого отражались и церковь, и старики, и наш дедовский курень.

Раньше от автобусной остановки был виден тополь, а теперь только старые яблони кривили стволы на фоне беленых стен. «Нечего! – подумал я – с тополем покончил, я и до яблонь доберусь.» Я вез пучок саженцев, с которых должен был начаться теперь уже не дедовский, а мой сад.

Вот она калитка, скрип которой я вспоминаю в самые трудные минуты своей жизни... Я толкнул ее и остолбенел. Вся земля, раскорчеванная и перекопанная мной, в палисаднике была покрыта буйными побегами. Крепкие, сочные полуметровые, в палец толщиной, ветки вспороли землю и было их столько, что у меня рубаха прилипла к спине.

– Вот оно как, – сказал, неслышно подошедший, старик Кудинов – Ты его и

так и едак, без ума то! Вроде бы и нет нас! А мы – вот оне! Мы были, мы есть и мы будем!

– Что ж теперь делать то?

– Раньше спрашивать то надо было! Теперь хлопот то поболее станется! Чем со стволом. Таперя надоть трактором, на всю глубину. Да кабы, дом не повело! Почем былочки то энти? – кивнул он на мои сортовые саженцы, – У нас таки розги в базарный день – пучок пяточок, да и то не на всяку задницу гожи....

Ночью я не мог уснуть. Выходил смотреть на изуродованный палисадник. Глядел на низкое небо в крупных южных звездах. Оно было похоже на черный платок, которым мама занавешивала окно днем, когда я, маленьким, не хотел спать после обеда. Платок был старый, битый молю, сквозь мелкие дырочки пробивалось солнце. Вот и теперь мне казалось, что только там, за черным небосводом и может быть вечный сияющий свет

Утром я пошел к Григорьеву.

– Ну? – спросил он, досадливо мотая седым чубом. – Ить говорил я табе! Куды!... «Царь в своем дворе!» Нацарствовался?

Внучок – немтырь, румяный и толстый, как поросенок, сидел у Григорьева на коленях и ждал, когда дед сунет ему в рот очередную ложку каши. Он смотрел на меня дедовскими синими глазами и недовольно сопел, потому что каша задерживалась.

– Ты и в саду – то дров наломаешь, – волновался Григорьев.

– Ы-Ы – напомнил о себе внук басом.

– Сачс, счас, счас, – заторопился Григорьев, дуя на кашу. – Ты вон, гуторят, деньгами горазд швыряться! Накупил, сказывают, каких -то веников..

– Да это саженцы сортовые!

– Мысленное ли дело – в яблочный хутор саженцы возить? Ты вот что – купи барана и позови дедов! С почтением приглашай! Уважению оказывай! – кричал он, мне вслед, выскакивая на крыльцо, с ложкой в руке. Внука он держал подмышкой, как арбуз. Внук молча вырывался.

– Почему я должен их приглашать? – думал я, лежа на полу при затворенных ставнях, всем телом чувствуя, как дом вытягивает из меня суетливую городскую усталость. Я чувствовал на лице теплые солнечные спицы и никуда не хотелось идти, хлопотать, покупать... Мне и вспоминать то о стариках было неприятно... Что ж они меня не остановили? Издевались – воспитывали? Толку то в них теперь. Дело то уж сделано.

И тут же возникла мстительная мысль – а, что, если и мне все превратить в издевку. Пригласить, а сделать все по -своему. Сразу после угощения сбегать в библиотеку и там все прочитать и про сад, и про посадки, что старикам и не снилось...

Старик – калмык с фиолетовым морщинистым лицом, с бороденкой, которая росла редко, как волоски на конской морде, долго отнекивался и махал руками:

– Все – колхозное. Никак продавать нельзя. Уголовный кодекс... Кодекс...

Я молчал. Здесь были свои правила жизни и, чтобы не быть чужим, нужно было им следовать. Я стоял, молчал и ждал.

– Ночь, ночь, – зашептал старик, – Ночь – привезем! И заломил тройную цену.

– Что? – Я не в первый раз покупал барана и цены знал. – До свидания.

– Зачем до свидания? Торгуйся! Свою сену давай! Давай-давай назначивай сену!

– За стриженного такие деньги? Старый кумыс пьешь, папаша, – в голове шумит.

– Савсем настоящий баран! Мясо! – толковал продавец.

– Баран и вон тот тулуп, – тогда годится.

– Ай, какой упрямый казак! Ай, ай, ай,... Я сбавлю – ты прибавляй! Торгуйся! Давай-давай пожалста!

– Половина за барана, половина за рога! Рога себе оставь...

Часа полтора мы вот так спорили. Торговались по всем правилам, наконец, сошлись.

– Маладес! Маладес! – хлопал он меня по плечу – Настоящий казак! Обычай уважаешь! Степь уважаешь... Маладес!

Но это была середина торговли, а все комплименты, чтобы усыпить мою бдительность.

– Покажи барана. Помечу.

– Зачем не веришь? Хороший баран дам!

– Покажи.

– Ай, какой упрямый казак! Маладес!

В загоне за юртой жались овцы. Они были голые, стриженные как солдаты новобранцы, в порезах недавней стрижки.

– Хорош баран. Замечательный!

– С мотылицей...

– Какой такой мотылис? Не знаем совсем такой!

Я вывернул овце зеленоватый белок. Она билась и скребла копытами, но я держал ее коленом, – А это что?

– Это от витамин. Мы ей витамин укалаем!

– Ветеринару расскажи. В санинспекции.

– Какой –такой санинспексий!

Продавец потускнел, а я выхватил овцу помоложе, осмотрел и ткнул ножом в ухо.

– Чтобы эта к вечеру была.

– Маладес! Маладес! – теперь уже искренне сказал торговец, – Айда, кок-чай пить!

– Маладес! – говорил он, утирая пот, и прихлебывая из пиалы, – Хорошо торговался!

Удовольствие мне делал! Молодые все быстро хотят делать! Удовольствия не имеют. Туда – сюда не глядят. Ничего не видят. Не хотят! Удовольствия от жизни не имеют совсем.

Вечером длинноволосый парень с транзистором на шее, привез овцу в коляске мотоцикла, немилостиво вытащил ее за ногу и швырнул через наш чумал на баз, всем обликом выражая полное равнодушие, или как говорил старый калмык «удовольствия от жизни не имея».

Я развязал овцу. Ее острая морда была мокра. Дал ей напиться и поставил на ночь в закут, давно забывший про овец. Теперь нужно было идти приглашать. От одной мысли о ритуале приглашения ноги мои тяжелели.

Опять выручил Григорьев.

– Привез? – спросил он, как всегда на бегу.

Как он возник на базу? – удивился я – ведь калитка – то не скрипела.

– Гожая, гожая! Как готовить будешь?

– Шашлык зажарю. – ответил я, наконец-то догадавшись, что он просто перемахнул через плетень, разделявший наши дворы.

– Да ты что – татарин, чтобы горелым мясом питаться! Это вон черкесы всякие мясо на дорогах палат да дуракам проезжающим скормливают... Поди узнай – кошка это али собака! А здесь овца хорошая...

– Ну, шурпу что ли заварить?

– Да на шурпу абы какое мясо пойдеть! Кто там яи разбереть! А тут цельна овца! Ладно, я тебе сделаю! Сухостоина то есть? Ага! Вона гора цельна... Ай-е, да ишо и яблоня! Эт мы с тобой такую еду сочиним – раз поешь, до смерти споминать станешь! Айда, приглашать! Надевай все чистое!...

По совету Григорьева я надел чистую белую рубаху, отглаженные брюки. Вышли на май-дан.

– Здорово ночевали? – Григорьев приподнял перед стариками картуз.

– Слава Богу... – вразнобой ответили они.

– Вот Борюшка, значит, по случаю возвращения домой просить не побрезговать его кумпанейством. Барана исть... А меня, значит, посланцем отрядил.

Я стоял позади Григорьева, но он вдруг отошел в сторону и ткнул меня кулаком в спину.

– Прошу покорно, – вдруг выскочило у меня само собой. Неожиданно для себя я поклонился.

– Что –то дрогнуло в стариковских лицах, будто кто –то дернул за невидимую нить, которой все эти старики были между собою связаны. Они разом поднялись и сняли шапки.

– За честь почтем, – сказал старик Кудинов. И все старики наклонили седые головы.

.....В два часа мы зажгли в саду костер из старых яблоневых веток. Пришел не то младший сын ,не то старший внук Григорьева – здоровенный чубатый парень, который на любой дедовский приказ улыбался во всю ширь ,словно все его лицо только и состояло из одной радостной улыбки. Как и дед он все делал со страшной быстротой, почти бегом. Мы с ним вывели овцу.

– Сам будешь? – спросил Григорьев.

– Да я не любитель...

– Табе надоть! Обычай таков!

Я повернул овцу мордой на восток и старым казачьим способом, севши на овцу сверху, левой рукой поднял ее голову, а правой, в одно движение, полоснул по горлу отточенным до маслянистого блеска ножом.

Григорьев младший подставил таз под струю крови.

– Не разучилси,... – похвалил Григорьев. – Не напачкал ни капли.

Вдвоем они ловко выпотрошили овцу, через небольшой надрез меж задних ног, а затем, перебрав сердце, легкие, печень, почки, промыли их и опять уложили в овцу, туда ж положили и освежеванную голову. Потом они перетянули отверстие у горла бечевкой и влили внутрь туши литра три красного вина. Зашили отверстие между задними ногами, через которое потрошили и заправляли, а потом как-то очень ловко, связав тушу в плотный ком, обтянули, как полиэтиленовой пленкой, овечьим мочевым пузырем и обмазали слоем глины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.